

18+

Анастасия Шадрина

Из небытия

Тень короны

Том 2

Анастасия Шадрина

**Из небытия: Тень
короны (книга 2)**

«Издательские решения»

Шадрина А.

Из небытия: Тень короны (книга 2) / А. Шадрина —
«Издательские решения»,

После событий первой книги Луиза восходит на престол Кадере. Но корона тяжелее, чем она могла представить: Фиран грозит войной, а зять проверяет королеву на прочность. Ирис со спутниками отправляется в Эстерию — страну жаркого солнца, роскошных дворцов, вольных нравов и секретов. Там её ждут новые союзники и следы, ведущие к Архонту Света. Но чем глубже она погружается в водоворот интриг, тем яснее становится, что ответы на старые вопросы открывают двери к новым, куда более страшным тайнам.

© Шадрина А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Из небытия: Тень короны (книга 2)

Анастасия Шадрина

*Посвящается тем, кого уже нет рядом, но кто всегда будет жить
в наших сердцах.*

Дизайнер обложки Александра Пискун

Иллюстратор Александра Пискун

Редактор Кирилл Агашков

© Анастасия Шадрина, 2026

© Александра Пискун, дизайн обложки, 2026

© Александра Пискун, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-6506-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-6505-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дом, милый дом

— Члены Королевского совета... Я стою перед вами не при тех обстоятельствах, которые себе представляла, — Луиза медленно обвела зал взглядом и глубоко вдохнула, — Смерть моего отца, короля Вильгельма II Кальдерона, потрясла Кадере, но я не допущу, чтобы эта трагедия привела к хаосу.

Луиза сделала паузу. Слова застряли в горле. Она почувствовала, как по позвоночнику медленно расползается холод, а перед глазами вспыхивает образ безжизненного лица отца. На ней было строгое тёмное платье без украшений, траурное, лишённое привычной королевской роскоши, волосы собраны в простую косу.

После смерти Вильгельма Луиза не покидала своих покоев пять дней. Она не принимала гостей, не позволяла никому видеть слёзы, которые раз за разом прорывались сквозь отчаянную попытку держаться. Сегодня был первый раз, когда Луиза заставила себя подняться, одеться и выйти к людям. Её пальцы дрожали. Она с силой сжала их, впиваясь ногтями в ладонь, и в этот миг ощутила чужое тепло. По правую руку от неё сидел Эйдан. Он заметил её напряжение и положил свою ладонь поверх её сжатых пальцев, напоминая, что она не одна. Его прикосновение стало якорем, не позволившим ей утонуть в воспоминаниях.

Дрожь в руках немного утихла, и она продолжила:

— Все указы, военные и финансовые решения, внешние договоры, согласованные советом, отныне утверждаются мной. Дату официальной коронации обсудим после похорон. Сейчас меня интересует ход расследования убийства моего отца.

После короткой паузы из-за стола вышел Сандер. Он прокашлялся, собираясь с мыслями, и склонил голову в почтительном поклоне.

— Ваше Величество, — начал он ровным, сдержанным голосом. — Расследование продолжается, однако должен доложить: прямых следов убийцы обнаружить не удалось. Ни магических отпечатков, ни физических улик. Всё указывает на то, что действовал маг-профессионал: хладнокровно, быстро и без ошибок. Допрошенные стражники подтвердили: с королём находилась женщина. Единственная примета, которую удалось установить наверняка, — ярко выраженный южный акцент. Ни имени, ни происхождения, ни принадлежности к придворным кругам установить не удалось.

По залу прошёл едва уловимый шёпот. Сандер продолжил, уже твёрже:

— Исходя из сведений, которыми ранее поделился Лиран Керр, а также с учётом характера применённой магии, можно с высокой долей вероятности утверждать, что все дороги ведут в Эстерию. Именно там следует искать ответы на наши вопросы. До трагедии... мы разрабатывали план с Его Величеством, — голос Сандера на миг стал тише, — о направлении дипломатической делегации в Эстерию. Официальной причиной визита должно было стать обсуждение морской безопасности и контроля торговых путей. Несмотря на то, что наши земли разделяет непроходимая пустыня, Кадере и Эстерия тесно связаны морем. В последнее время участились нападения на торговые суда, исчезновения грузов и странные инциденты в прибрежных водах. Его Величество считал необходимым пересмотреть условия охраны морских маршрутов и усилить взаимодействие флотов. К тому же из-за этих происшествий была потеряна связь с внешней разведкой. Поэтому неофициальной целью является установление истинного положения дел в Эстерии, выявление скрытых угроз и тех, кто предпочитает действовать тайно. Теперь, с учётом произошедшего, я полагаю, что этот план не утратил актуальности. Напротив, он стал жизненно необходимым для безопасности короны и всего Кадере.

Луиза внимательно выслушала доклад. Она медленно выпрямилась и обвела членов совета холодным, сосредоточенным взглядом.

— Я хочу знать состав делегации. Кто поедет и почему именно эти люди достойны представлять Кадере в столь опасной миссии?

Сандер вновь шагнул вперёд, коротко кивнув.

— Я возглавлю делегацию, Ваше Величество, — сказал он без колебаний. — Как коннетабль, я отвечаю за безопасность государства и внешние военные связи. Переговоры о флоте и торговых маршрутах требуют человека, обладающего полномочиями принимать решения на месте. Моё присутствие снизит риск дипломатических осложнений и позволит действовать быстро, если ситуация выйдет из-под контроля.

Он на мгновение перевёл дыхание и продолжил:

— Также я настаиваю на включении в делегацию Лирана Керра. Несмотря на его прошлое, а во многом именно благодаря ему, бывший инквизитор умеет видеть то, что ускользает от обычных людей. Он знает методы Вечности Света и способен распознать угрозу до того, как она проявит себя открыто. В условиях, где враг действует из тени, такой человек незаменим. Помимо него в состав делегации войдут рыцари, чья верность короне не подлежит сомнению.

— Я согласна отпустить Керра, но только под вашу личную ответственность, коннетабль. Если он выйдет за рамки порученного или поставит под угрозу интересы короны, вы должны будете привести его приговор в исполнение, а затем отчитаться передо мной, — Луиза слегка выпрямилась, сцепив пальцы на коленях. — Детали миссии и окончательный состав делегации мы обсудим позже, в узком кругу. Сейчас этого достаточно.

Сандер с пониманием кивнул, принимая возложенную на него ответственность без возражений. Совет продлился недолго. Обсудив формальности и утвердив временные распоряжения, Луиза завершила заседание. Когда в зале никого, кроме Эйдана, не осталось, напряжение, охватывающее её всё это время, начало постепенно отпускать.

Наконец она медленно развернулась к некроманту и, прищурившись, бросила с сухой иронией:

— Дай угадаю... ты тоже едешь?

Эйдан выпрямился. Его пальцы спокойно сцепились перед собой.

— Думаю, мне не стоит объяснять, почему я обязан быть там, — ответил он ровно. — Мы имеем дело с опаснейшим демоном. И при этом даже не знаем, на что именно он способен. Я и Генриетта — единственные, кто ясно понимает, с чем мы столкнулись.

— При чём тут Генриетта? — резко перебила Луиза, в глазах вспыхнуло раздражение, слишком живое, чтобы его скрыть. — Она тоже едет? — Луиза холодно усмехнулась. — Значит, сбежать с ней с бала для тебя было недостаточно?

Эйдан поджал губы, взгляд на мгновение ушёл в сторону, но оправдываться некромант не стал. Когда он вновь заговорил, голос остался таким же спокойным:

— В отличие от меня, Генриетта может чувствовать демоническую силу. Поэтому она крайне важная фигура в этой миссии.

Луиза медленно наклонилась к нему, не вставая со своего места. В её глазах плескалась обжигающая ненависть, переплетённая с глубокой скорбью.

— Для меня сейчас важно только одно, — произнесла она твёрдо. — Чтобы ты нашёл того, кто это сделал. Нашёл... и убил. Без жалости. Так же, как это было сделано с моим отцом.

Эйдан ответил без колебаний:

— Как прикажете, Ваше Величество.

Некромант поднялся, коротко склонил голову и, не сказав больше ни слова, покинул зал. Оставшись одна, Луиза медленно выдохнула, подняла руку и помассировала уставшие глаза, пытаясь стереть и напряжение, и тот груз, который навалился разом. Затем она откинулась на спинку стула и устремила взгляд вверх — туда, где под высокими сводами зала терялся свет.

— *Ваше Величество...* — задумчиво прошептала она. — Теперь я понимаю, как же тебе было тяжело, отец...

В этот момент Луиза осознала свой нынешний облик: в ней больше не видят человека, в ней видят государство.

Ирис сидела в карете, сложив руки на коленях, и смотрела в узкое окно. Она ехала к подножью Эльгарской гряды, где простирались земли Вальмирской Мэрии. Именно там, среди холмов и утёсов, возвышалось поместье Альбрест — Валькрейн. Поводом для поездки стал визит к Эвелине — тёте Генриетты. За последние месяцы между ними завязалась переписка. Это потребовало немалых усилий. Почерк Генриетты был безупречно ровным и изящным. Подделать такую руку было непросто. Ирис часами выводила одни и те же строки, пока пальцы не начинали повторять чужую привычку автоматически.

У неё сохранились письма Эвелины к племяннице, и по ним она довольно быстро уловила тон их общения. Он оказался холодным и отстранённым. Ответы Генриетты всегда были вежливыми, но сухими, лишёнными личного участия. Приглашения тёти вернуться в резиденцию неизменно отклонялись, а любые попытки сблизиться гасились короткими, выверенными фразами. Ирис решила изменить это. Она начала осторожно, не торопясь, выстраивать доверие. Сначала рассказала о похищении и о том, что была спасена Эйданом. Затем о внезапно пробудившемся магическом даре, о страхе и растерянности, которые он принёс. Письма стали длиннее, в них появилось больше откровенности, больше живых эмоций.

Ирис рассчитывала, что после замужества с Хестером Эвелина приедет в Каймур. Однако тётя раз за разом находила причины отказаться. Она ссылалась на занятость, на дела, которые не терпят отлагательств. Со временем это стало вызывать у Ирис настороженность. Отказы были слишком аккуратными, словно за ними скрывалось нежелание говорить о чём-то напрямую. В конце концов она решила не ждать. Если Эвелина не хотела покидать резиденцию Альбрест, значит, Ирис придётся самой переступить этот порог. К тому же давно пришло время посетить своё наследие.

Ирис отправилась к тёте всего через три дня после убийства Вильгельма. События обрушились слишком стремительно, не оставляя пространства для осмысления. То, что произошло между ней и Эйданом, не обсуждалось — время не располагало к личным разговорам. Реальность требовала иного: холодных решений и собранности. Сейчас мысли Ирис были заняты совсем другим. После похорон короля делегация должна была отправиться в Эстерию, и она ясно осознавала свою роль в этой миссии. Ирис не могла позволить себе слабость или сомнения. Всё, что касалось чувств, приходилось отодвигать в сторону, запирая глубоко внутри.

Карета замедлила ход, и за окном начали открываться окрестности Валькрейна. Пологие склоны поднимались волнами, будто застывшее море камня и зелени. Узкие тропы вились между холмами, теряясь среди хвойных рощ и светлых лугов. Воздух здесь всегда был другим: чистым, прозрачным, наполненным холодной свежестью высоты. Свет ложился мягко, подчёркивая глубину красок: тёмную зелень лесов, серебристые камни и синеву далёких вершин.

Ирис помнила эти места такими ещё из своей прежней жизни. Столько веков минуло, но красота не поблекла. Она всегда с радостью возвращалась сюда. Именно поэтому когда-то приобрела небольшой дом неподалёку, вдали от столичной суеты. Туда она увозила Шеймуса, чтобы хотя бы ненадолго побыть с ним вдвоём.

Мысль о сыне болезненно кольнула в груди. Ирис медленно опустила взгляд на свои руки. Между пальцами вспыхнули тонкие искры молнии. Она сжала ладонь, заставляя разряд погаснуть. Внутри неё полыхнуло обещание: если ей выпадет шанс снова сразиться с Каэрносом, то на этот раз всё будет доведено до конца. Он заплатит за то, что сделал с Шеймусом и с ней.

Спустя час карета медленно проехала кованые ворота поместья. Колёса мягко зашуршали по утрамбованной дороге, и перед ней раскинулись ухоженные сады. Здесь чувствовалась заботливая рука. Между аккуратными тропинками склонялись клумбы с зимостойкими розами и светло-лиловыми ирисами, вдоль аллей тянулись ряды молодого лавра и серебристого шалфея, а ближе к стенам высаживали вереск и невысокие хвойные кусты, источавшие терпкий, чистый аромат. Садовники, занятые пересадкой саженцев и рыхлением земли, при виде кареты выпрямлялись и склоняли головы в почтительном поклоне, провожая Ирис внимательными взглядами.

За садами возвышался небольшой замок. Ирис невольно задержала на нём взгляд. К её удивлению, здание уже было частично восстановлено после пожара: очищенная кладка контрастировала с потемневшим камнем, а на одной из башен виднелись свежие балки. Следы разрушений ещё читались, но жизнь сюда явно возвращалась.

У парадного входа выстроились несколько рыцарей и слуг. Они замерли в ожидании. Чуть впереди, на деревянной коляске, сидела тётя Эвелина. На ней было тёплое платье приглушённого зелёного цвета, тщательно укутывающее её худую фигуру. Ткань казалась слишком тяжёлой для такого хрупкого тела. Эвелина была бледна. Голубые глаза смотрели внимательно, но в их глубине таилась усталость. Русые волосы с густыми седыми прядями были аккуратно убраны назад, подчёркивая морщинистое лицо, в котором отражалась мудрость и внутреннее достоинство.

Позади неё стоял темноволосый мужчина в возрасте. Его руки уверенно держали ручки коляски. Он мягко толкнул её вперёд, навстречу остановившейся карете. Когда Ирис вышла к ним, Эвелина внимательно окинула её оценивающим взглядом, а затем натянула измученную улыбку. Губы её дрогнули, и хриплый, надломленный голос прозвучал тише, чем ожидалось:

— Рада вновь видеть тебя на нашей земле, моя дорогая племянница.

Ирис почтительно склонила голову и мягко ответила:

— Благодарю за столь тёплую встречу.

— Ты была здесь в последний раз лет семь назад, — произнесла Эвелина после короткой паузы. — Не хочешь пройтись со мной, освежить память?

Не дожидаясь ответа, тётя медленно поднялась с коляски. Мужчина позади неё мгновенно метнулся вперёд, протягивая руку:

— Госпожа, позвольте...

— Не нужно, Карл, — остановила его Эвелина усталым, но твёрдым тоном. — Генриетта мне поможет.

Ирис тут же шагнула ближе и предложила тёте опереться на её локоть. Эвелина приняла помощь без колебаний, устроившись рядом с племянницей. Вместе они неспешно двинулись вдоль стены замка.

— Твои вещи разместят в том особняке, — сказала женщина, кивнув в сторону скромного каменного здания неподалёку. — Я пока не успела по-хорошему обставить замок.

Ирис шла рядом, подстраивая шаг под неровный, осторожный темп тёти Генриетты. Некоторое время она молчала, прислушиваясь к её тяжёлому дыханию, к едва уловимому свисту, с которым воздух покидал грудь Эвелины. Наконец она не выдержала и тихо произнесла:

— Больше всего сейчас меня волнует твоё состояние. Что с тобой? Почему ты ничего не писала об этом?

Эвелина усмехнулась уголком губ.

— У меня фиброновое истощение лёгких, — ответила она после короткой паузы. — Болезнь редкая, но не волнуйся, она не заразна. Карл заботится обо мне, помогает переживать приступы удушья и снимает самые тяжёлые симптомы, — она чуть крепче сжала руку Ирис. — А не писала я тебе об этом, потому что предпочитаю не думать о болезни в те редкие часы,

которые ещё могу назвать свободными. Слова имеют странное свойство: стоит их произнести, и они начинают жить собственной жизнью.

Ирис нахмурилась, в её взгляде мелькнула тревога.

— И давно ты больна? — спросила она негромко.

— Уже пошёл второй год, — сухо ответила Эвелина.

В её словах не было ни жалобы, ни просьбы о сочувствии, лишь спокойное принятие и усталость.

— Поэтому ты так настаивала, чтобы я приехала? Хотела... попрощаться?

— Я хотела, чтобы ты в первую очередь перестала бежать от прошлого, — ответила она без обиняков. — Где это видано, чтобы единственная наследница боялась возвращаться в собственный дом? Я понимаю, ты видела ужасную смерть родителей. Такое не забывается. Но твой долг — перед родом и перед всеми этими людьми — превыше детских переживаний, какими бы страшными они ни были, — Эвелина повернула голову, внимательно всматриваясь в лицо племянницы. — Однако слава Смотрящему, ты повзрослела, — продолжила она уже мягче. — Ты не представляешь, как я рада, что ты стала женой Хестера Ровенвальда. И я искренне надеюсь, что у вас в скором времени получится зачать наследника.

От одной этой мысли Ирис едва заметно передёрнуло. Она отвернулась, и уголок её губ дрогнул в напряжённой гримасе.

— Твоя мать забеременела тобой уже через два месяца после свадьбы, — добавила Эвелина.

— Я поняла тебя, — резко перебила её Ирис, останавливаясь. — Но давай я с этим разберусь сама.

Эвелина замолчала, принимая ответ без спора. Когда-то у неё самой был муж — Дерек ВинГроу. Он погиб во время захвата Фиранского перевала. Их брак так и остался бездетным. Зато у младшего брата, Роберта Альбреста, родилась дочь. В те годы Эвелина смотрела на Генриетту без тепла из-за глухой, постыдной зависти, о которой она никогда не говорила вслух. Ей казалось, что будь у неё собственный ребёнок, он был бы и умнее, и красивее, и одарёнее — жалкое самоутешение женщины, не сумевшей примириться с утратой.

Лишь после смерти Роберта Эвелина впервые ясно увидела, как много лет отталкивала из-за собственной слабости ни в чём не повинное дитя. Когда она решилась сделать шаг навстречу племяннице, Генриетта уже не нуждалась в этом жесте. Её жизнь давно пошла другим путём, в котором для раскаяний и поздних попыток сближения не осталось места.

Но теперь всё было иначе. Генриетта стояла перед ней уже такая взрослая, чужая и в то же время до боли родная. И, что важнее всего, она приехала сама. Это простое обстоятельство неожиданно сняло с Эвелины тяжесть, которую она носила годами. Женщина не питала иллюзий вернуть утраченное или переписать прошлое. Ошибки не исчезают от раскаяния, и годы отчуждения не стираются несколькими разговорами. Но, возможно, ей было позволено другое: не унести с собой чувство недосказанности.

— Я хочу обсудить с тобой один вопрос, — голос Ирис мягко прервал ход мыслей Эвелины. — После моего брака многое изменилось. Формально наши дома связаны, но по сути остаются обособленными. Я предлагаю рассмотреть возможность более тесного союза.

— Сразу к делу? — улыбнулась женщина. — Это похвально. Время — вещь слишком хрупкая, чтобы растрачивать его на обходные пути.

Она чуть крепче опёрлась на локоть Ирис и кивнула в сторону узкой дорожки, уводящей вглубь сада, туда, где между деревьев пряталось старое круглое строение с тёмной черепичной крышей.

— Пойдём в совятник, — добавила женщина. — Там тихо. И мысли... складываются яснее.

Эвелина любила сов больше всего на свете, и для этого ей не требовалось ни высокой причины, ни символического смысла. Совы просто были. Красивые, благородные и по-своему удивительно милые. Этого ей было достаточно.

Совятник встретил их мягким полумраком и тёплым, спокойным воздухом. Под крышей располагалось просторное помещение, где вдоль стен тянулись аккуратные деревянные насесты. Здесь жили разные совы: светлые сипухи с сердцевидными лицами, строгие неясити, крупные филины с тяжёлым, внимательным взглядом и маленькие ушастые совы, тихо переговаривающиеся между собой. Они не боялись людей, не метались и не тревожились — напротив, казалось, что присутствие Эвелины им привычно и даже приятно.

В центре стояла простая деревянная лавочка с мягкой накидкой. Здесь Эвелина любила сидеть, слушая шелест крыльев и приглушённые уханья. Иногда совы спускались ниже, поворачивали головы и смотрели на неё своими большими глазами, будто принимая её за одну из своих.

Эвелина медленно опустилась на лавку, переводя дыхание. На её лице появилась тихая, почти детская улыбка. Ирис осмотрелась. Всё происходящее показалось ей довольно трогательным. Но тут резкое уханье раздалось прямо за ней. Ирис вздрогнула и быстро обернулась. Совсем рядом, на низком насесте, сидела крупная сова с густым оперением. Оно отливало серо-коричневым оттенком, а большие янтарные глаза смотрели прямо на Ирис с невозмутимым, почти надменным спокойствием. Хохолки на голове придавали ей важный, слегка комичный вид.

Эвелина хрипло рассмеялась.

— Это Принц Филипп, — сказала она с явным удовольствием. — Помнишь его?

— Не особо, — ответила Ирис и с заметной осторожностью сделала шаг в сторону, не сводя взгляда с птицы.

— Помнится, у твоего мужа тоже есть любимцы, — заметила Эвелина, наблюдая за её реакцией.

— Они не такие... экзотические, как твои, — сухо отозвалась Ирис.

Эвелина хмыкнула.

— Пару лет назад у меня гостил Вильгельм. Перебрав с вином, он решил, что сможет подружиться с совами. Полез к ним с объятиями... Они чуть его не заклевали.

Она негромко хохотнула, но смех оборвался слишком резко. Улыбка сползла с её лица, а взгляд потускнел.

— Жаль его, — сказала Эвелина уже тише. — А больше всего жаль Её Величество Луизу... В столице что-то уже успели выяснить?

Ирис медленно выдохнула.

— Не могу сказать. Это государственная тайна.

— Луиза такая нежная и добрая девочка, — продолжила Эвелина после короткой паузы. — Как думаешь... сможет ли она справиться с такой непосильной задачей? Править целым королевством в одиночку, да ещё и после тяжёлой утраты.

— Она уже не девочка. Луиза — королева Кадере, — твёрдо произнесла Ирис. — Ты просто плохо её знаешь. В ней много упорства и целеустремлённости, даже если с первого взгляда это незаметно. Именно такой правитель нам и нужен.

— Что ж... это обнадеживает, — улыбнулась женщина.

Они просидели в совятнике достаточно долго. Разговор постепенно перетёк в деловое русло. Ирис изложила своё видение будущего союза кратко и по существу. В итоге они сошлись на идее долгосрочного торгового соглашения. Эксклюзивные поставки вина Альбрест должны были идти через порты Ровенвальдов под защитой их флота, так как сейчас Хестер усиливал влияние на морских торговых путях между Эстерией и Кадере. Взамен — гарантированные контракты, фиксированные пошлины и участие в финансировании восстановления замка.

Уже под вечер Ирис и Эвелина направились в особняк. Сумерки медленно опускались над садом, сгущая тени. Они прошли всего несколько шагов, когда тётушка внезапно остановилась. Женщина повернулась к Ирис и посмотрела на неё с хитрым прищуром.

— Что-то не так? — спросила девушка, вскинув бровь.

— Покажи, — сказала Эвелина. — Покажи свою магию. Хочу увидеть её собственными глазами.

Выражение лица Ирис мгновенно изменилось. Усталость сменилась интересом, а в глазах загорелась тихая искра.

— Хочешь увидеть что-то конкретное?

— Даже не знаю... — Эвелина замялась. — Порази меня.

— Как скажешь, — ухмыльнулась Ирис.

Прежде чем приступить, она помогла Эвелине снова сесть в коляску: Карл как раз успел подкатить её поближе. Убедившись, что тёте удобно, Ирис отошла на несколько шагов в сторону и медленно вытянула руку вперёд. Воздух вокруг ладони дрогнул, и в следующий миг между пальцами вспыхнули первые разряды. Тонкие нити молний сплелись, закружились, уплотняясь, пока над раскрытой ладонью не возник светящийся шар, наполненный сдержанной мощью. Его свет отражался в камне дорожки и в окнах замка, окрашивая сумерки холодным сиянием.

Ирис плавным, почти танцующим движением передала шар в другую руку. Разряд послушно перетёк, вытянулся дугой и вновь собрался. Затем она подняла руку выше, направляя силу вверх. Шар стремительно расширился. Молнии сорвались с её ладони, рванулись в небо единым потоком и с гулким раскатом разошлись над замком, расчерчивая сумрак ослепительными зигзагами. В вышине вспыхнуло сияние, похожее на краткую искусственную грозу, и мощный импульс прокатился волной, заставив воздух вибрировать, а листву на деревьях вздрогнуть.

Когда свет рассеялся, небо вновь стало тёмным. Эвелина сидела неподвижно. На её лице застыло выражение изумлённого восторга. Она медленно выдохнула, словно только сейчас вспомнила, как дышать.

— Впечатляет... — с хрипотцой в голосе произнесла тётушка. — С тобой наш род станет ещё более могущественным.

Ирис опустила руку, позволяя остаткам магии окончательно угаснуть.

— Этого недостаточно, — произнесла она ровно. — Сила требует контроля. А контроль — долгих и упорных тренировок.

Эвелина усмехнулась, в её взгляде мелькнула искра одобрения.

— Тогда оставайся здесь на какое-то время, — предложила она. — Эти земли умеют давать покой. Здесь ты сможешь отдохнуть... и тренироваться столько, сколько сочтёшь нужным. Никто не станет тебе мешать.

Ирис на мгновение задумалась. Её совсем не тянуло возвращаться в Каймур.

— Если только ненадолго, — произнесла она наконец, с лёгким кивком, принимая предложение.

С наступлением ночи особняк погрузился в тишину. Коридоры опустели, а шаги слуг стихли. Ирис не сразу легла спать — ей хотелось пройтись и дать мыслям улететь. Она подошла к окну. Во дворе, в колеблющемся свете огня, рыцари стояли на постах, недвижимые, словно изваяния. Где-то в глубине сада перекликались ночные птицы, а ветер шевелил кроны деревьев. Ирис вышла в главный зал и уже собиралась повернуть обратно, когда в полумраке заметила силуэт мужчины на одном из балконов. Он стоял, опершись на перила. Длинные волосы были распущены и спадали на плечи, в руке тлела курительная трубка.

Сердце Ирис невольно ёкнуло. На краткий миг ей показалось, что там стоит Эйдан. Это ощущение было таким внезапным и острым, что ноги сами понесли её вперёд, не оставляя времени на раздумья. Лишь оказавшись ближе, она различила знакомые черты. Это был Карл. Мужчина обернулся, заметив её, и тут же убрал трубку в сторону. Он выпрямился и почти-тельно поклонился.

— Доброй ночи, миледи. Я могу вам чем-нибудь помочь?

Ирис несколько раз моргнула, прогоняя наваждение, и заставила себя сосредоточиться.

— Я... Да, я хотела обсудить с вами здоровье Эвелины.

Карл внимательно посмотрел на неё.

— Что именно вас интересует? — вежливо поинтересовался он.

Ирис сделала короткую паузу.

— Есть ли шанс, что она выздоровеет?

Карл медленно покачал головой. Его лицо стало строже, углы губ опустились.

— К сожалению, нет, — ответил он тихо. — В последнее время состояние ухудшилось.

Приступы участились, появился кашель с кровью. Это уже необратимый процесс.

— Как вы думаете... сколько ей осталось? — спросила она осторожно, почти шёпотом.

Карл нахмурился, подбирая слова, но в итоге сказал прямо:

— В лучшем случае — около трёх лет. В худшем — полгода.

— Ясно... — выдохнула Ирис. — Но, может быть, всё же стоит показать её целителям в столице? У меня есть знакомая... она главный королевский лекарь.

— Я знаю Анику Дайн, — мягко улыбнулся Карл. — Более того, я был её учителем. Всё, что умеет эта талантливая девушка, освоено под моим руководством.

Ирис удивлённо посмотрела на него.

— Я понимаю ваши опасения, — продолжил он уже серьёзнее. — Но в случае госпожи Эвелины лечение в столице не даст чуда. Долгая дорога, перемена климата, шум и суета лишь ускорят течение болезни. Сейчас для вашей тёти важнее покой, привычная обстановка и отсутствие лишнего стресса. Также для неё ценно ваше присутствие. Время, проведённое с единственным родным человеком, куда значительнее любых снадобий. И ещё, миледи... не стоит относиться к ней как к умирающей. Эвелина — сильная женщина. Она хочет жить полноценно, насколько это возможно. Позвольте ей это, — он сделал шаг назад и почтительно склонил голову. — Доброй ночи.

С этими словами Карл развернулся и тихо исчез в полумраке коридора, оставив Ирис одну на балконе. Её мысли путались, цепляясь одна за другую. Эвелина не была её семьёй в прежнем смысле этого слова, но кровь, текущая в этом теле, принадлежала Генриетте. А значит, в глазах мира и рода Эвелина теперь была для Ирис родной тётей. Это осознание каждый раз отзывалось странной двойственностью. Память Ирис не знала этой женщины, но в её жестах, в голосе, во взгляде было что-то необъяснимо знакомое и родное. Чем дольше они находились рядом, тем сильнее эта чужая кровь заставляла воспринимать её как часть собственной судьбы.

От этого становилось только тяжелее. Связь, которая формировалась не через воспоминания, а через принадлежность тела и рода, ощущалась пугающе реальной. И именно поэтому новость о скорой кончине Эвелины ранила особенно глубоко. Судьба словно вновь издевалась над ней: едва она обрела новую «семью» как её уже собирались отнять.

Прошло больше недели. За это время Ирис полностью посвятила себя тренировкам. Она хорошо понимала: тело, в котором ей довелось оказаться, изначально не было приспособлено к магии и не обладало врождённой стойкостью. Поэтому была необходима постоянная, изнуряющая работа. Ирис снова и снова заставляла себя тренироваться, повышая выносливость плоти, чтобы сила не истощала организм преждевременно. Магия требовала полной отдачи,

выматывая до дрожи в мышцах и звона в ушах. Но именно эта усталость приносила ей желанное удовлетворение.

В один из дней она посетила карьер Альбрестов. Там, среди гулко-го эха ударов и пыли, поднимавшейся от свежих срезов камня, Ирис внимательно наблюдала за работой мастеров. Огромные мраморные глыбы аккуратно отделяли от скалы, полировали и готовили к отправке.

Одним вечером Эвелина распорядилась принести в гостиную бутылку вина с семейной винодельни. Напиток оказался глубокого рубинового оттенка, густым и тёплым на вкус. В нём чувствовались терпкие ягоды, лёгкая сладость спелых плодов и мягкое послевкусие. Ирис, сделав пару медленных глотков, с удивлением признала, что вино действительно прекрасно. Оно согревало не только тело, но и душу, ненадолго смягчая тяжесть мыслей. Девушка невольно усмехнулась: в её время напитки с этих земель редко отличались подобным благородством — чаще они были резкими, тяжёлыми и простоватыми.

Ей нравилось общаться с Эвелиной. Несмотря на жесткость взглядов, тётушка оказалась женщиной эрудированной. В долгих разговорах она многое рассказывала о нынешней Эстерии, где до болезни часто гостила у сестры своего покойного мужа. Королева Венетия Бертели, по словам Эвелины, была фигурой яркой и противоречивой. Она бросала вызов старым устоям, не принимая привычных ограничений. При её дворе существовал открытый гарем мужчин, а многомужество стало признанной нормой среди знати. Женщины там обладали куда большей свободой. Более того, они всё чаще занимали ключевые позиции в совете, управлении портами и магическими академиями. Помимо этого, Венетия учредила особые ордена магов-наблюдателей, которым было поручено следить за внутренним порядком королевства и за настроениями среди знати и городских гильдий.

Эстерия стала страной возможностей, но свобода нравов, поначалу казавшаяся глотком свежего воздуха, со временем обернулась повсеместной безнравственностью. Пирь, гаремы, открытые связи и показная роскошь стали неотъемлемой частью жизни высших слоёв. Люди начали уставать от этого. Именно на этой почве всё большую силу стала набирать религия Вечности Света. То, что ещё недавно казалось далёким фанатизмом северных земель, теперь активно продвигалось и в Эстерии. Проповедники говорили о чистоте, порядке и духовном спасении, находя отклик в сердцах тех, кто искал опору среди морального распада. Чем ярче пылал двор Венетии, тем сильнее народ тянулся к суровому свету новой веры.

Все эти подробности постепенно сложились в сознании Ирис в единую картину. Дни, проведённые в резиденции Альбрест, принесли ей редкое ощущение покоя. Она всё чаще ловила себя на чувстве, которое давно считала утраченным, — ощущении *дома*. Впервые за долгое время Ирис позволила себе выдохнуть и отпустить напряжение, дав разуму передышку перед предстоящей поездкой в Эстерию. Но покой не мог длиться вечно. Обязанности звали обратно в Каймур, где её уже ждала иная, куда более тяжёлая реальность.

Когда настал день отъезда, Ирис пришла проститься с Эвелиной. Женщина держалась достойно, хотя в её взгляде читалась тихая печаль расставания. Их прощание было тёплым и без лишних слов. Слуги и рыцари проводили её почтительными поклонами. Карл стоял чуть поодаль, молча наблюдая, и склонил голову, лишь когда карета тронулась. Вскоре особняк остался позади.

В Каймуре быстро почувствовали перемены. Исчезновение Райнарда стало ударом не только для дома Ровенвальдов, но и для самого города. Привычно жизнерадостный герцог Хестер посмурнел, будто вместе с братом из его жизни ушла какая-то внутренняя опора. Он стал молчалив, избегал людных собраний и почти перестал появляться на охоте — занятии, без которого прежде не проходила ни одна неделя.

Горожане поначалу не теряли надежды. Несколько месяцев люди прочёсывали леса, искали следы, опрашивали путников и лесничих. Все понимали, что из-за своих особенностей

Райнард мог испугаться, растеряться и просто спрятаться где-нибудь в чаще, не сумев найти дорогу обратно или откликнуться на зов. Потому его исчезновение воспринималось как беда, в которую он мог попасть по своей наивности. Страннее казалось поведение Хестера. Он не вмешивался в поиски, не посылал дополнительных отрядов и не проявлял той настойчивости, которую от него ожидали.

Спустя два месяца у опушки, где братья когда-то проводили детство, появилась могила. Пустая. На камне было написано только имя — Райнард Ровенвальд. Этот жест стал для людей безмолвным признанием того, что герцог не верит в возвращение брата. После этого поиски постепенно сошли на нет.

К молодой герцогине жители относились настороженно, хотя и с должным почтением. В присутствии жены Хестер менялся до неузнаваемости: при встречах склонялся перед ней, говорил шёпотом, смотрел исключительно в пол, не смея поднять глаз. Любое её слово воспринимал как приказ и исполнял без малейшего возражения. Это не осталось незамеченным. Слуги переглядывались, рыцари перешёптывались в коридорах. Все видели: герцог не просто стал мягче, он будто сломался. Люди всё чаще говорили, что их милорд после утраты брата словно сошёл с ума, а власть в доме незримо перешла в руки молодой жены.

— Ну что интересного ты можешь мне рассказать? — Ирис стояла у стола, скрестив руки на груди; её взгляд был холоден и прям.

Вскоре после её возвращения они уединились в зале советов. Высокие окна были плотно закрыты, огонь в камине догорал, оставляя в воздухе сухое тепло. Хестер сидел напротив. На нём была тёмная кофта с высоким воротом, почти до подбородка. Он не поднимал глаз, его пальцы нервно скользнули по ткани у горла, проверяя, скрыто ли то, что пряталось под ней.

— После смерти Вильгельма Кальдерона в столице царит неразбериха. Казна замерла в ожидании новых распоряжений короны, а купцы боятся вкладываться, пока не станет ясно, как Луиза будет вести дела с торговыми домами.

Он говорил едва разжимая губы. Речь выходила приглушённой и слегка смазанной. С тех пор как Эйдан выбил ему два передних зуба, Хестер стал заметно шепелявить и теперь из всех сил старался скрыть этот изъян, удерживая рот почти неподвижным.

— Ясно, — сухо произнесла Ирис.

Хестер неловко поёрзал на месте, затем осторожно вытащил из внутреннего кармана сложенный конверт и протянул ей через стол.

— И ещё... Сегодня утром ворон принёс письмо из столицы. Похороны Вильгельма состоятся через две недели, — он на миг замялся. — Мне снова оставаться здесь?

Ирис молча развернула письмо, быстро пробежала глазами по строкам и медленно качнула головой.

— Нет. Ты поедешь. На прощание с Вильгельмом съедется знать со всего королевства и представители других держав. Траур трауром, но подобные события — редкая возможность укрепить позиции наших домов.

Ирис сделала паузу и добавила:

— Только распорядись, чтобы у нас были отдельные кареты.

Глава 2

Прощай, отец

Тело Вильгельма Кальдерона выставили в Храме Смотрящего на рассвете. Забальзамированный, облачённый в тёмные королевские одежды, он покоился на высоком каменном ложе под сводами древнего зала. Лицо его было спокойным, будто смерть лишь погрузила монарха в глубокий сон. Вокруг мерцали сотни свечей, и их тёплый свет отражался в позолоте колонн, играя бликами на символах Смотрящего, высеченных в камне.

В течение дня храм наполнялся неспешным, тяжёлым движением знати. В Аль-Драндир съехались представители всех крупных домов королевства. Каждый следовал установленному ритуалу — короткий поклон и молчаливое прощание. Город менялся на глазах. Улицы, ведущие к храму, расчистили и украсили полотнищами с гербом Кальдеронов. На крышах дежурили лучники, у перекрёстков стояли усиленные караулы. Колокола били медленно и глухо, отмеряя время прощания, и их звук разносился далеко за пределы столицы.

К полудню прибыли иностранные делегации: послы Эстерии, сопровождаемые магами-наблюдателями и представители Фирана. Были и те, чьи земли находились за морями, но даже они сочли нужным присутствовать здесь. Позже, когда поток гостей в храме заметно поредел, тяжёлые двери вновь распахнулись. В зал вошли Луиза и Эйдан. Молодая королева была в траурном одеянии, на шее висела тонкая цепь с символом Смотрящего. Лицо её было бледным, но в то же время собранным. Эйдан шёл рядом, на полшага позади, как и полагалось. Он держался внешне отстранённо, но внутренне был напряжён и был готов уловить малейший признак опасности. Ни один из присутствующих не должен был позволить себе лишнего.

Когда они приблизились к каменному ложу, Луиза замедлила шаг. Свет свечей выхватил из тени лицо Вильгельма. Его корона лежала у изголовья, снятая по обряду, а руки короля были сложены на груди. Луиза на мгновение закрыла глаза. Её дыхание сбилось, плечи напряглись, но она тут же выпрямилась.

Эйдан наклонился к ней и заговорил почти шёпотом:

— Ты не обязана видеть его таким. Отведи взгляд.

— Нет, — тихо ответила она. — Я должна попрощаться как подобает. Так будет правильно.

Подбородок её дрогнул, и это было единственным признаком боли, которую она позволила себе выпустить наружу. Затем Луиза чуть повернула голову в сторону Эйдана:

— Проконтролируй, пожалуйста, чтобы никто ко мне пока не подходил.

— Хорошо, — коротко ответил он.

Эйдан отступил на несколько шагов, незаметно заняв позицию так, чтобы закрыть её от посторонних взглядов. Луиза медленно приблизилась, остановилась у самого края и склонила голову. Как же ей сейчас хотелось, чтобы случилось чудо. Чтобы отец открыл глаза и обнял её. За одно это мгновение она отдала бы всё, не раздумывая. Луиза была уверена, что слёзы давно иссякли, что скорбь уже превратилась в глухую, выжженную пустоту. Но одиноко скатившаяся по щеке слеза говорила об обратном. Она наклонилась, поцеловала отца в лоб и едва слышно прошептала:

— Прощай...

Поспешно стерев влагу с лица, Луиза выпрямилась и ушла в сторону. Сделав несколько шагов, она оглянулась. У алтаря Смотрящего стоял мужчина, обращённый к ней спиной. Луиза затаила дыхание. Его силуэт резанул память: ровная осанка, высокий рост, рыжие волосы, стянутые в тугую хвост. На мгновение ей показалось, что перед ней стоит Вильгельм, каким она помнила его в детстве. Тогда, ещё совсем малышкой, она любила подкрадываться сзади и с

размаху запрыгивать ему на спину, обхватив шею руками, а он смеялся и делал вид, что вот-вот уронит её.

Сердце болезненно сжалось. А что, если это его призрак? Может, он явился, чтобы проститься с ней, как не смог при жизни?

Боясь спугнуть наваждение, Луиза медленно двинулась к алтарю. Она подошла почти вплотную и осторожно положила ладонь на плечо мужчины. Он вздрогнул и резко обернулся. Перед ней стоял Куинн. На нём был скромный чёрный камзол. Под глазами залегли тени от бессонных ночей. Он поспешно натянул улыбку, но та вышла кривой и неуверенной. С заминкой он поклонился.

— Ваше Высочество... — Куинн запнулся, сглотнул и исправился: — Величество.

Луиза никогда не видела его таким растерянным и подавленным, несмотря на попытку улыбнуться. Она задержала на нём взгляд и вдруг её посетила странная мысль: а что, если Куинн внебрачный сын её отца? При дворе у Вильгельма всегда было немало женщин, и это многое бы объяснило: и схожесть черт, и то особое, тёплое отношение, которое отец всегда проявлял к своему шути.

Но тут же Луиза мысленно одёрнула себя. Если бы это было правдой, Вильгельм обязательно рассказал бы ей. Он никогда не оставлял её в неведении в важных вещах. Она слегка мотнула головой, прогоняя непрошенные мысли. *Разум, уставший от горя, просто цепляется за любые тени родства*, — сказала она себе.

Луиза мягко улыбнулась и спросила:

— Молишься?

Куинн чуть пожал плечами и криво усмехнулся:

— Взываю к Смотрящему.

— И с чем же ты к нему обращаешься? — Луиза склонила голову набок. — Если это, конечно, не секрет.

Куинн на мгновение посмотрел на алтарь, затем вновь на Луизу. В его глазах мелькнуло что-то тёмное, почти злое.

— Прошу покарать убийцу, — ответил он спокойно. — Желательно быстро, но болезненно. Поразить прямо в сердце. Или куда получится... я не привередлив.

Луиза не удержалась и усмехнулась.

— Ты всерьёз считаешь, что высшая сущность снизойдёт до роли палача?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Куинн. — Если он наблюдает за всем подряд, то должен иногда вмешиваться. Для разнообразия.

Луиза невольно улыбнулась чуть шире. Впервые за долгое время улыбка вышла такой искренней.

— Раз так, я могу составить тебе компанию?

Куинн приподнял бровь и сделал шаг в сторону, освобождая место у алтаря.

— Разумеется, — ответил он с лёгким поклоном. — Вдвоём взывать к Смотрящему всегда эффективнее. Давление общественного мнения, знаете ли.

Они замолчали, стоя плечом к плечу перед алтарём. В это время к ложу Вильгельма подошла Аника. Она остановилась, склонила голову и задержалась на несколько мгновений. Затем тихо отступила в сторону.

Эйдан, заметив её, сделал едва уловимый знак. Когда она подошла, он заговорил негромко, почти шёпотом:

— Состояние плода не изменилось?

Аника качнула головой.

— Нет. Беременность протекает стабильно. У Луизы сильный организм... она всё—таки из Кальдеронов.

— Это ничего не меняет, — сказал он отрешённо. — Ты знаешь, кто я такой. И я не уверен, что у меня может быть... нормальное потомство. Если что-то пойдёт не так — сразу говори мне. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Аника, но тут же замялась. — Я... хочу знать. Ваша поездка в Эстерию действительно безопасна? Сандер утверждает, что всё будет предельно дипломатично и не несёт прямой угрозы.

— Не переживай, — лаконично произнёс Эйдан. — С ним ничего не случится.

— Хочется тебе верить, — с явным скепсисом ответила она. — Он ведь до сих пор не знает про Ирис. А я считаю, что должен. Вас объединяет одна миссия. В таких делах тайны между союзниками могут стоять слишком дорого.

Взгляд Эйдана стал холодным.

— Это личное дело Ирис. Если она сочтёт нужным, то сама расскажет ему о себе.

Аника внимательно посмотрела на него, будто собиралась возразить, но затем лишь вздохнула.

— Как скажешь, — произнесла она наконец. — Кстати... к ней вернулась память?

— Вернулась.

Аника замерла, явно не в силах скрыть вспыхнувший интерес. Для неё подобное выходило за пределы всего, с чем ей доводилось сталкиваться за годы практики.

— Это... невероятно, — выдохнула она. — Возвращение памяти после подобного... Но что именно стало спусковым крючком? Эмоциональный шок? Магическое воздействие? Или...

Она осеклась, заметив, как напрягся Эйдан.

— Аника, — произнёс он ровно. — Успокойся и вспомни, где ты находишься.

Она моргнула, словно возвращаясь в реальность, и поспешно выпрямилась, смутившись собственной несдержанности.

— Да... прости, — тихо сказала она. — Профессиональный интерес.

Аника уже собиралась добавить что-то ещё, когда к ним подошёл Сандер. Его лицо было серьёзным.

— Что вы здесь шепчетесь? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

Аника ответила первой, спокойно и без лишних пояснений:

— Эйдан переживает за Её Величество и интересуется её состоянием.

Сандер понимающе кивнул. На мгновение его суровое лицо смягчилось.

— Да, если честно, я и сам за неё переживаю, — сказал он негромко. — Всё случилось слишком быстро... и неправильно. Но она держится. Так, как и подобает королеве.

Эйдан ничего не ответил. Он лишь перевёл взгляд туда, где у алтаря стояла Луиза. Ему было искренне жаль её. На это ещё совсем юное дитя обрушились судьбы людей, страхи королевства, ожидания знати — всё легло на плечи, которые ещё недавно сами искали поддержки.

В этот момент его размышления прервало знакомое ощущение: тонкие, едва уловимые колебания энергии, которые он бы не спутал ни с чем другим. Эйдан выпрямился и обернулся в сторону входа в храм. Вместе с прибывшей знатю в зал вошла Ирис. За её спиной, заметно отставая, шёл Хестер Ровенвальд. Его походка была неровной, взгляд опущен в пол, а плечи ссутулены, будто он хотел стать как можно менее заметным.

Эйдан скривился, едва увидев его. В нём мгновенно вспыхнула злость. Будь его воля, от Хестера не осталось бы и следа на этом свете. Но он прекрасно понимал: сейчас герцог был нужен Ирис. А это означало, что ему придётся проглотить собственную ненависть и смириться с его присутствием. По крайней мере, пока.

Ирис тем временем остановилась около Вильгельма. Она смотрела на него долго и внимательно, но внутри не откликнулось ничего. Это осознание пришло не сразу, а медленно и тревожно. Перед ней лежал мёртвый человек, и она понимала, *что должна* что-то чувствовать.

Но вместо этого была лишь отстранённая ясность. Пустота, в которой не находилось места эмоциям.

Мысль неприятно кольнула: неужели смерть перестала для неё что-либо значить? Неужели она начала смотреть на неё так же, как Эйдан, — без ужаса, без трепета, как на неизбежный итог, лишённый трагического веса? За свою жизнь, и прежнюю, и нынешнюю, Ирис видела её слишком часто. Поля сражений, города после штурмов, лица тех, кого не успели спасти. Слишком много потерь, чтобы каждая из них по-прежнему ранила. Смерть стала фоном, частью пути, чем-то, к чему привыкают, даже если не хотят.

Вильгельм лежал перед ней — человек далеко не безупречный, сложный, противоречивый, но что, если бы на этом месте лежал Эйдан? Не будь он тем, кем был. Не будь он бессмертным. Ирис задержала дыхание. Почувствовала бы она что-нибудь тогда? Или и это имя со временем стало бы ещё одной выжженной потерей в её сердце?

Взгляд Ирис скользнул по чертам Вильгельма в последний раз, и она сделала шаг назад. В тот же миг её глаза встретились с глазами Эйдана. Он стоял чуть в стороне и сразу заметил её потерянность и холодную отрешённость. Некромант едва заметно кивнул в сторону, предлагая отойти. Ирис без слов последовала за ним.

— Ты как? — спросил он негромко, внимательно всматриваясь в её лицо.

— Я сделала всё, что могла, перед отъездом, — ответила она после короткой паузы. — Поэтому готова отправляться в Эстерию как можно скорее.

Эйдан нахмурился.

— Не торопись. В такой нестабильной ситуации нельзя принимать импульсивные решения.

— Пока у нас есть хоть какие-то зацепки, нужно действовать, — возразила Ирис. — Потом Вечность Света усилит своё влияние в Эстерии, и мы уже не сможем к ним подобраться.

— Луизу нельзя оставлять одну, — сказал он твёрдо. — Слишком рано. Она хоть и не показывает этого, но сейчас крайне уязвима. Если мы потеряем ещё и королеву, до раздробленности всего Кадере останется один шаг.

Ирис на мгновение задумалась.

— Ты прав, — произнесла она наконец. — Тебе нужно остаться.

— Что? — Эйдан нахмурил брови, явно не ожидая такого ответа.

— Да. Останься, — повторила она спокойно. — Если мы что-нибудь найдём, я дам тебе знать.

Он открыл рот, собираясь возразить, но Ирис заговорила первой, не повышая голоса:

— Я уже проходила через это. Я была на службе у Альдред I, когда земли Кадере населяли лишь враждующие кланы. По его поручению я отправлялась туда, куда нельзя было послать никого другого. Одна, без армии и поддержки.

— Погоди, — он обескураженно мотнул головой. — Давай обсудим это позже, после прощальной церемонии. Я не готов отпускать тебя одну. Со мной ты будешь в большей безопасности, чем без меня.

Ирис едва заметно усмехнулась.

— Иногда безопасность — это привилегия, которую ты не имеешь права себе позволить.

В тот же миг она почувствовала на себе тяжёлый, почти осязаемый взгляд. Ирис вскинула взор. Луиза смотрела прямо на неё с той тихой, выжженной болью, которая была красноречивее любых слов.

Эйдан обернулся вслед за её взглядом и произнёс вполголоса:

— Она знает о нас. Тебе больше не нужно играть роль подружки Луизы.

— Но я не... — начала Ирис и осеклась.

Слова застряли в горле. Где бы ни проходила грань между притворством и искренностью, Ирис с самого начала стояла не на той стороне. Дружба, в которую она позволила себе

поверить, была построена на лжи. Ирис выдавала себя за другого человека, жила под чужим именем, в чужом теле, с чужой историей. Луиза дружила не с ней, а с образом, который Ирис поддерживала. С тем, кем она *должна была* быть, а не с тем, кем являлась на самом деле. И сколько бы искренних разговоров между ними ни было, сколько бы взаимного доверия ни возникло, фундамент у всего этого оставался гнилым.

А теперь к этому добавилось и другое. Она нарушила обещание, переступила черту, посягнула на мужа той, кого называла подругой. Даже если чувства были настоящими, оправданий этому не существовало. Ирис не имела права жалеть себя. Не имела права тосковать по утраченной близости. Всё смешалось: вина, долг, привязанность, усталость, так плотно, что голова закружилась.

Ирис отступила в сторону и тихо сказала:

— Ты прав. Больше не нужно играть никакие роли... Я, пожалуй, пойду. Давай поговорим позже.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и ушла, растворившись в тенях храма.

В этот момент Луиза медленно опустила голову и горько усмехнулась. Куинн, стоявший рядом, внимательно посмотрел на неё и осторожно спросил:

— Вы... поссорились с подругой?

Луиза подняла взгляд, и на её лице появилась аккуратная, отточенная улыбка, которой учатся при дворе, чтобы скрывать истинные эмоции.

— О чём ты, Куинн? — произнесла она тихо. — У королевы не может быть подруг.

Она отвернулась, глядя на алтарь, и добавила уже почти шёпотом:

— Для меня это... непозволительная роскошь.

Позже, когда официальная церемония подошла к концу, карета с телом короля выехала из храма. Медленная траурная процессия двинулась через всю столицу к фамильному склепу Кальдеронов. Улицы Аль-Драндира заполнились задолго до начала шествия. Люди стояли вдоль маршрута плотными рядами. Кто-то склонил голову в молитве, кто-то просто растерянно смотрел, пытаясь осознать происходящее, а кто-то молчал, сжимая в руках траурные цветы — ночные верессы. Их тёмные, почти чёрные соцветия не имели запаха, были плотными и шершавыми на ощупь, а мелкие лепестки поблёскивали сизым оттенком, словно припорошённые пеплом. Ночные верессы не увядали быстро и долго сохраняли форму, поэтому их издавна считали символом конца и молчаливого прощания.

Солнце в этот час уже стояло в зените. Оно светило ярко и беспощадно, заливая улицы тёплым светом, совершенно неуместным в этот день. Город жил своей обычной жизнью, не желая подстраиваться под человеческую скорбь.

Карета остановилась у центрального постаamenta склепа. Луиза шагнула вперёд и остановилась у саркофага. Вокруг воцарилась полная тишина. Она обернулась к собравшимся. Люди замерли, ожидая.

— Мой отец правил Кадере девятнадцать лет. Для одних он был королём, для других — союзником, соперником или гарантом порядка. Для многих — единственной властью, которую они знали. При нём королевство переживало тяжёлые времена и годы хрупкого мира, и каждый из присутствующих так или иначе ощущал последствия его решений.

Она сделала короткую паузу.

— Вильгельм II Кальдерон не искал любви толпы и не стремился угодить знати. Он нёс корону как обязанность и понимал, что власть всегда требует жертв. Он ошибался, как любой человек, но никогда не уклонялся от ответственности за содеянное.

Луиза чуть выпрямилась.

— Сегодня мы прощаемся с ним — как с правителем, как с частью истории Кадере. Я принимаю эту ношу и намерена сохранить то, что было создано за эти девятнадцать лет, осознавая при этом, что впереди нас ждут перемены.

Она склонила голову.

— Прощай, наш король. Пусть Смотрящий примет тебя с миром.

— *Пусть Смотрящий примет тебя с миром,* — хором произнесли собравшиеся.

После этих слов она отступила. Тело увезли вглубь склепа. Служители молча и с особой осторожностью переложили его в каменный саркофаг, выстланный тёмным бархатом. Затем раздался скрежет камня о камень. Крышка саркофага медленно опустилась, отсекая свет факелов и окончательно запечатывая присутствие Вильгельма в этом мире. Глухой звук эхом прокатился по склепу и затих.

Так закончился его путь — короля, отца и просто человека. Камень сомкнулся, и вместе с ним сомкнулась целая глава истории Кадере.

Глава 3

Формальности

Наступил новый день. Ирис проспала почти до полудня. Дорога в столицу, а затем прощание с Вильгельмом выжали из неё все силы, оставив лишь томную усталость и тяжесть в мыслях. Как выяснилось до этого, Эйдан лично распорядился, чтобы комнату для Хестера подготовили в самом дальнем крыле Аргенштайна. Подальше от Ирис. Проснувшись, она какое-то время просто лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к звукам замка, который уже жил своей обычной жизнью.

Быстро перекусив, Ирис привела себя в порядок и направилась в западное крыло замка, где располагался кабинет коннетабля. Ей хотелось поговорить с Сандером лично, без придворного шума и осторожных формулировок.

Постучав, Ирис на мгновение замерла, а затем из-за двери раздался сдержанный, немного усталый голос:

— Входите.

Кабинет коннетабля был просторным, но лишённым излишней роскоши. Толстые каменные стены, высокие окна, сквозь которые лился холодный дневной свет, массивный письменный стол, заваленный свитками, картами и раскрытыми книгами учёта. На одной из стен висела карта королевства с отмеченными портами, крепостями и торговыми путями; в углу стояла стойка с оружием. В воздухе ощущался запах пергамента, чернил и слегка выветрившегося воска.

Сандер сидел за столом, склонившись над документами. Он делал пометки, время от времени хмурился, перечитывая строки, и явно был погружён в работу. Услышав шаги, он поднял голову, на мгновение задержал взгляд на Ирис и выпрямился.

— Генриетта, — произнёс он с заметным удивлением. — Не ожидал тебя увидеть. Что тебя привело?

Ирис неспешно прошла по кабинету. Лишь затем она обернулась к Сандеру и заговорила:

— Эйдан тебе ничего не рассказывал о зачарованном оружии? В предстоящей миссии оно было бы как нельзя кстати.

Сандер коротко выдохнул, откидываясь на спинку кресла.

— Рассказывал. И мы занялись этим ещё месяц назад. Была закупка. Хорошая партия, проверенная. Да вот только корабль не дошёл до порта — затонул в море. Без следа. Вильгельм тогда был вне себя от ярости... — он на мгновение замолчал, затем продолжил уже тише: — Сейчас ждём новую поставку, но сроки плавают, — он чуть подался вперёд. — Впрочем, Эйдану удалось уговорить одного фиранского мастера, отличного, если верить отзывам, работать на корону.

Ирис нахмурилась.

— Но до Эстерии оружие всё равно не успеет прибыть?

— Боюсь, что нет, — подтвердил Сандер. — Времени слишком мало.

— Тогда твой меч и оружие остальных рыцарей стоит зачаровать уже на месте, сразу по прибытии.

Сандер медленно кивнул, соглашаясь.

— Что ж, думаю, это не создаст особых проблем, — сказал он, но тут же смущённо усмехнулся и почесал висок. — Я, если честно, в этом почти ничего не понимаю.

— Не переживай, — Ирис махнула рукой и чуть улыбнулась. — Достаточно найти хорошего мастера, который не станет задавать лишних вопросов и сделает клинки так, как нужно. Остальное — уже дело магии. Я хотела уточнить ещё...

Её фразу оборвали громкие, раздражённые голоса за дверью. Спор был явно на повышенных тонах, и с каждой секундой становился всё ближе. Сандер нахмурил брови, отодвинул стул и направился к выходу. Ирис последовала за ним.

В коридоре развернулась бурная сцена. В окружении стражи шла Луиза, с напряжённо выпрямленной спиной. Рядом с ней канцлер Тармон что-то торопливо говорил, склонившись к королеве, а чуть позади держался Эйдан. Следом, явно не желая отставать, шагал молодой мужчина с волнистыми русыми волосами. Его голос резал слух.

— ...и я повторяю в последний раз, — произнёс он, — Дикие Земли исторически принадлежат Фирану, и Кадере обязано их вернуть. Это не просьба, а требование моего брата.

— Что происходит? — тихо спросила Ирис, наклонившись к Сандеру.

Тот поморщился.

— Принц Рихард ВальтерМарк, — ответил он вполголоса. — Прибыл пару дней назад со свитой. Его старший брат, король Леонард, решил воспользоваться смертью Вильгельма и вернуть часть Диких Земель, которые мы присоединили к себе тринадцать лет назад.

— И зачем они ему так срочно понадобились? — Ирис чуть скривилась.

— В тех землях нашли новые залежи редкой руды. Отлично подходит для магических сплавов, — сухо пояснил Сандер. — Плюс торговый тракт. Если Фиран заберёт эту территорию, он получит прямой выход к восточным портам, минуя наши пошлины.

Он бросил взгляд на приближающуюся фигуру принца.

— Рихард ведёт себя здесь чересчур фривольно. Флиртует с придворными, спорит с канцлером, перебивает королеву... чувствует полную безнаказанность. Думает, что Кадере сейчас не до конфликтов, — Сандер тихо усмехнулся, без тени веселья. — Надо отдать Её Величеству должное: она терпит его уже несколько дней и всё ещё пытается решить вопрос дипломатией. Удержать земли, не доводя дело до войны. Но Рихард явно рассчитывает, что давление и наглость сработают лучше любых аргументов.

Ирис раздражённо выдохнула, скрестив руки на груди.

— Войны нам ещё не хватало... — бросила она сквозь зубы. — Мы с такими темпами в Эстерию прибудем только в следующем году. И то, если повезёт.

В этот момент Эйдан ненавязчиво встал между Луизой и принцем.

— Принц Рихард, — произнёс он, — сейчас не лучшее время для ультиматумов. Кадере переживает траур. Возможно, стоит сбавить тон и дать королеве время разобраться с вопросом без лишнего давления.

Рихард остановился. Его губы искривились в презрительной усмешке.

— Я буду говорить только с королевой, — отрезал он. — А не с ошибкой мезальянса, которой по недоразумению позволили стоять рядом с троном.

В коридоре на мгновение повисла тишина. Даже стража напряглась.

— Вы забываетесь, — спокойно произнёс Эйдан, уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке.

К этому моменту вокруг уже собрались придворные, которые выглядывали из-за колонн, ловя каждое слово. Воздух стал плотным и напряженным.

Луиза медленно шагнула вперёд.

— Вы позволяете себе слишком многое, принц Рихард, — холодно проговорила она. — Брак с Эйданом был решением моего отца. И я не потерплю оскорблений в адрес человека, которого он счёл достойным стоять рядом со мной.

Рихард усмехнулся, не скрывая пренебрежения.

— Искренне поражён, как Вильгельм в пьяном угаре вообще не обвенчал вас со свиньёй, — бросил он с ленивой насмешкой.

Лицо Луизы вспыхнуло. Румянец поднялся к скулам, а в глазах плеснул такой чистый, не сдерживаемый гнев, что ухмылка Рихарда заметно поблекла.

Принц кашлянул и заговорил уже значительно мягче:

— Поэтому я и надеюсь, Ваше Величество, что вы окажетесь благоразумнее своего отца и не станете доводить ситуацию до войны. Как вам известно, армия Фирана превосходит вашу почти в три раза. Было бы... неразумно проверять это на практике.

— Вон, — сквозь зубы сказала она. — Убирайтесь прочь из моего королевства.

В коридоре раздался нервный смешок.

— Но мы ещё не решили с...

— Я сказала: вон!

Всё произошло слишком быстро, чтобы кто-то успел среагировать. Луиза резко взмахнула рукой. Воздух вокруг её пальцев словно загустел, закрутился в невидимый смерч, сжавшись в прозрачное лезвие. Оно мерцало искажённым светом, как марево над костром. За долю секунды это лезвие, как ураган, глухо рванулось вперёд. Прозвучал короткий, влажный шум, похожий на разрыв плотной ткани.

Ухмылка не успела окончательно слететь с лица Рихарда, когда его тело вдруг неестественно сместилось. Взгляд его стал пустым и недоуменным. Затем тонкая алая линия появилась у него на поясе, мгновенно расширившись в кровавую пропасть. Верхняя часть его торса медленно съехала вниз и вбок, обнажив страшный, пестрый срез внутренностей, обломков рёбер и позвоночника, прежде чем тяжёлой массой рухнула на пол. Ноги ещё секунду простояли сами по себе, прежде чем колени подкосились, и они осели рядом в мокрую, бесформенную кучу.

В широком коридоре воцарилась гробовая тишина. Запах смерти вплёлся в тяжёлый шлейф духов и от этого сочетания становилось тошно. Эйдан на мгновение застыл так, словно его ударили по затылку. Рот непроизвольно приоткрылся. Сандер же, не выдержав, выругался вслух. Канцлер Тармон продолжал стоять на месте, часто моргая. Луиза смотрела на свои руки так, словно они ей не принадлежали. Пальцы дрожали. В глазах вспыхнул чистый ужас. Впервые. Впервые она убила человека.

Где-то сбоку женщина в пышном платье сорвалась на визг. Он разрезал тишину так, что некоторые придворные вздрогнули, а кто-то инстинктивно попятился. Из свиты Рихарда резко шагнул вперёд его личный маг — высокий мужчина в тёмных одеяниях. Лицо его искажилось яростью, и он с рёвом вскинул руки. Воздух вокруг мгновенно похолодел и из-под его ладоней вырвался ледяной вихрь, направленный прямо на Луизу.

Эйдан среагировал мгновенно. Он произнёс короткое заклинание. Между Луизой и ударом вспыхнул полупрозрачный голубой щит. Ледяная буря врезалась в него с оглушительным треском и рассеялась в воздухе. Не теряя ни секунды, Эйдан сделал шаг вперёд. Огненный шар сорвался с его ладони. Он ударил мага в грудь, прожигая защиту и тело одним импульсом. Мужчина даже не успел вскрикнуть и рухнул на каменный пол, уже безжизненный.

Ирис остолбенела всего на долю секунды. К ней молниеносно пришло осознание, что это идеальный повод для войны. И хуже того, повод слишком удобный для тех, кто давно искал предлог.

— Нет, — прошептала она. — Не допущу.

Ирис шагнула вперёд. Она подняла руки, и на кончиках пальцев вспыхнули искры. Поток сорвался с ладоней и разлетелся веером по коридору. Разряды били выборочно. Один за другим придворные оседали на каменный пол, теряя сознание раньше, чем успевали закричать или броситься к выходу.

— Ч-что ты делаешь? — дрожащим голосом выдавила Луиза.

Ирис даже не повернула головы. Голос её прозвучал холодно и ровно:

— Эйдан, уведи королеву отсюда.

Некромант дёрнулся, но спорить не стал. Он осторожно взял Луизу за локоть и повёл прочь.

— Сандер, — продолжила Ирис уже громче, чтобы слышали и стражники, — оцепи коридор. Никто не должен сюда заходить.

Коннетабль сглотнул. Он всё ещё не до конца понимал, что именно она задумала, но всё же резко развернулся к ближайшим стражникам.

— Ты на тот поворот. Ты к лестнице. Перекройте проход и вторую галерею. Двое к дверям, не пускать никого, — он шагнул ближе, глядя каждому в глаза. — На вопросы не отвечать. Кто откроет рот без моего приказа — лишится головы.

Стражники кивнули почти одновременно и отправились на свои посты. Ирис тем временем медленно обошла распростёртое на полу тело Рихарда и опустилась рядом с женщиной из его свиты — той самой, что кричала. Та лежала без сознания, лицо её было искажено застывшим ужасом. Ирис осторожно положила ладони ей на виски. Между пальцами вспыхнули едва заметные молнии.

— Леди Генриетта, что вы делаете? — с явной опаской спросил канцлер Тармон.

— Стираю им последние часы памяти, — сдержанно ответила Ирис, не отрывая взгляда от женщины. — Но просто стереть её — недостаточно. Пустоты в памяти опасны. Разум всегда пытается их заполнить. И если мы оставим пробелы, частички пережитого со временем начнут всплывать, — она подняла взгляд на канцлера. — Им нужно заменить воспоминания. Все должны видеть другую картину.

Тармон сглотнул.

— Какую?

— Этот человек, — Ирис чуть склонила голову в сторону тела убитого. — Тот, что напал на королеву. Он маг воздуха. Это идеальный случай. Лучше не придумать. Подойдите ближе. Когда я начну стирать память, вы будете говорить чётко и спокойно. Одну и ту же историю без колебаний.

Канцлер нерешительно сделал шаг вперёд.

— Что именно я должен сказать?

Ирис посмотрела ему прямо в глаза.

— Что во время приёма принц Рихард и его свита изрядно выпили. Между ним и этим магом вспыхнула ссора. Он потерял контроль и в порыве ярости разрезал принца потоком воздуха, остальных откинул в стороны, оглушив. А Эйдан обезвредил его, защищая королеву.

Тармон побледнел. Он никогда не занимался подобным, тем более участием в магическом вмешательстве в чужой разум. Но, получив знак от Ирис, он всё же сделал то, что требовалось. Ирис закрыла глаза и усилила поток. Молнии между её пальцами вспыхнули ярче, они будто вполетались в сознание женщины, аккуратно стирая одно и так же аккуратно вписывая другое.

Когда всё закончилось, Ирис медленно убрала руки и глубоко выдохнула. На её губах появилась усталая улыбка.

— Вы молодец, — сказала она канцлеру. — Но не расслабляйтесь. У нас ещё десять человек.

Ангус Тармон смотрел на неё так, будто видел впервые. В глазах стояло не только потрясение, но и осознание масштаба произошедшего.

— Надеюсь... — глухо произнёс он, — вам сегодня удалось предотвратить войну.

Дверь в кабинете Аники распахнулась так резко, что стеклянные колбы на полках звякнули. Эйдан быстрым шагом ввёл внутрь Луизу. Она дрожала от внутреннего шока, который сотрясал всё тело.

— Дай Её Величеству отвар лунной мелиссы с серым корнем, — коротко сказал некромант.

Аника, не задавая вопросов, поспешно развернулась к полкам и начала перебирать флаконы и коробочки. Эйдан тем временем усадил Луизу на узкую деревянную лавку. Она безвольно опустила и устремила свой взгляд в пустоту.

— Я... я его убила... — На её ресницах блеснули слёзы.

— Посмотри на меня, — тихо сказал Эйдан и осторожно приподнял её лицо за подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом. — Тебя спровоцировали. И я почти уверен, что это было сделано намеренно. Король Леонард, зная характер своего брата, специально отправил его к нам на переговоры, рассчитывая избавиться от него, а заодно получить весомый повод для войны. При любом исходе он оставался бы в выигрыше.

Губы Луизы дрогнули.

— Это неважно... Я не смогла с собой совладать. И теперь из-за меня начнётся война...

— Нет, — твёрдо оборвал её Эйдан. — Мы постараемся этого избежать.

В этот момент Аника подошла к ним и протянула Луизе небольшую чашу.

— Вот, выпейте.

Луиза послушно сделала несколько глотков. Тёплый, горьковатый вкус разлился на языке. Она опустила взгляд на свои дрожащие руки и обрывисто вздохнула. Эйдан присел перед ней.

— Послушай меня внимательно, — тихо произнёс он. — Ты теперь королева. В нашем мире правитель редко может позволить себе остаться незапятнанным кровью. Здесь почти каждое решение так или иначе стоит чьей-то жизни. Я сам убил больше людей, чем смогу вспомнить. А твой отец... На его совести тоже лежат сотни смертей. И не потому, что он был чудовищем, а потому, что иначе было нельзя.

Ирис сидела над последним придворным, с трудом оставаясь в сознании. Силы были на исходе. Из носа непрерывно текла кровь. Тёплые капли падали на каменный пол, оставляя тёмные пятна. Тело дрожало от истощения, пальцы подрагивали, но она не позволяла себе ослабить концентрацию.

«Ещё немного...»

Она до боли сжала челюсть, стараясь не застонать. Гнев на саму себя вспыхнул остро и ярко. Её раздражало, что силы так быстро покидают её, что собственное тело оказывается слабее воли. В глазах предательски защипало, и к ним подступили слёзы. И вот, наконец, чужая память поддалась. Молнии между её пальцами вспыхнули и погасли. Ирис медленно убрала руки.

— Леди Генриетта, что с вами? — с тревогой спросил канцлер.

Она попыталась выпрямиться.

— Всё в порядке... — выдохнула Ирис, с трудом разжимая сведённые судорогой пальцы.

Слова прозвучали глухо и неуверительно даже для неё самой. Она сделала шаг в сторону, но ноги оказались ватными. Пространство перед глазами поплыло, края коридора потемнели. Ирис спиной оперлась о стену, пытаясь удержаться. Камень оказался приятно холодным. Затем колени подогнулись. Ирис медленно скользнула вниз по стене и, не чувствуя удара об пол, провалилась в беспамятство.

Сознание возвращалось рывками, как будто её выталкивало на поверхность из густой тёмной воды. Сначала Ирис почувствовала тепло, чьи-то руки прижимали её к груди и несли

куда-то вперёд. Её голова покоилась на мужском плече, и сквозь пелену она узнала знакомый запах табака.

Ирис попыталась открыть глаза. Мир расплывался, но постепенно очертания стали яснее. Над ней склонилось лицо Эйдана. Они уже были в её комнате. Аккуратно уложив её на кровать, он ловко развязал тесный корсет и снял его, давая груди свободно подняться. Затем укрыл её одеялом, бережно подоткнув ткань по краям.

— Эйдан... я... — тихо выдохнула Ирис.

— Тише, — мягко произнёс он.

Эйдан опустил перед кроватью на одно колено и осторожно убрал с её лица прядь растрепавшихся волос. Его прикосновение было тёплым и удивительно нежным.

— Набирайся сил... Ты была сегодня обворожительна. Впрочем, как и всегда, — добавил он с мягкой улыбкой.

Эйдан взял её холодную руку в свою. Его ладонь была горячее, почти обжигающей от контраста. Он медленно поднёс её руку к губам и коснулся поцелуем. От этого прикосновения по телу Ирис разлилось тихое спокойствие. Затем Эйдан осторожно отпустил её руку, поднялся и, бросив на неё последний долгий взгляд, бесшумно вышел из комнаты. Дверь мягко закрылась. Тишина укрыла её, как второе одеяло. Напряжение дня окончательно отпустило, и Ирис, чувствуя лишь остаточное тепло его прикосновения, медленно погрузилась в глубокий сон.

Глава 4

Подготовка

На следующее утро в тронном зале царила напряжённая атмосфера. Перед тронном, где сидела Луиза, склонилась свита принца Рихарда. Их лица были бледны, глаза покраснели от бессонной ночи. Впереди стояла женщина в строгом тёмном одеянии — придворная наставница и хранитель печати фиранской делегации. Она вся дрожала. Не выдержав, женщина сделала шаг вперёд и рухнула на колени.

— Ваше Величество... — голос её сорвался. — Мы молим о прощении. Мы... мы не думали, что всё обернётся так. Никто из нас не мог представить... — она захлебывалась в рыданиях. — Это было безумием. Мы просим лишь позволить нам искупить вину и увезти тело нашего принца домой.

Луиза сидела неподвижно. На ней было тёмно-зелёное платье с длинными узкими рукавами, полностью закрывающими её дрожащие руки. Она медленно отвела взгляд от плачущей женщины, сохраняя холодное выражение лица.

— Тело принца будет подготовлено с должными почестями, — произнесла она ровно. — Вы сможете забрать его на родину. Кадере не станет вам препятствовать.

По залу пронёсся едва заметный выдох облегчения. В этот момент Эйдан, стоявший по правую руку от трона, чуть склонил голову и негромко добавил:

— Искренне надеюсь, что в следующий раз король Леонард сочтёт нужным отправить к нам более... опытного дипломата.

Несколько членов свиты вздрогнули, но никто не осмелился возразить. Они лишь склонились ещё ниже, поспешно благодаря королеву за проявленную милость. Затем, не поднимая глаз, делегация начала отступать к выходу.

Луиза чуть подалась вперёд и, не меняя выражения лица, тихо проговорила Эйдану:

— Леонард этого так просто не оставит.

— Нет, не оставит, — так же тихо подтвердил он. — Поэтому я остаюсь здесь.

Луиза резко повернула к нему голову.

— В каком смысле остаёшься?

— В прямом. После случившегося Фиран будет искать любой повод для давления. Даже если они примут нашу версию событий, Леонард попытается раскачать ситуацию в свою пользу. Делегация в Эстерию поплывёт без меня, пока ты не укрепишь положение при дворе и пока мы не поймём, как именно Леонард будет действовать. Как только я буду уверен, что Кадере ничего не угрожает, я отправлюсь в Эстерию. Но сейчас мой долг — быть здесь.

Луиза несколько секунд молча смотрела на него, переваривая услышанное. Затем коротко кивнула.

— Тогда собери закрытое собрание по поводу Эстерии. Только узкий круг.

Эйдан без колебаний кивнул.

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы всех уведомили. Сегодня же.

— *Смотрящий, что видишь пути и тени в сердцах людских,*

Убереги от слепоты и от решений поспешных.

Даруй различить врага и друга среди лиц чужих,

И ложь от истины отделить.

Когда испытания грянут — даруй мне силу устоять.

Проведи сквозь страх и сомнения.

Голос Лирана звучал негромко. Слова молитвы ложились ровно и привычно. Он стоял у узкого окна своих покоев, скрестив пальцы. За стеклом медленно тянулось серое утро, но в комнату свет проникал скуп.

Лиран находился под стражей. Это не было тюрьмой в прямом смысле: комната оставалась просторной, обставленной скромно, но достойно. На столе лежали книги и свитки, а у стены стояла узкая кровать. Однако у двери неизменно дежурили двое стражников. Выходить ему разрешалось только под их надзором и лишь по необходимости, чтобы не выпускать из виду бывшего инквизитора, чьё прошлое всё ещё вызывало слишком много вопросов. Лиран давно перестал спорить с этим порядком. Он принял ограничения с тем же спокойствием, с каким когда-то принимал приказы Вечности Света. Сейчас его куда больше занимало другое: ощущение надвигающихся перемен.

Он отошёл от окна к небольшому столику у стены, где среди аккуратно расставленных склянок стоял флакон с ароматным кедровым маслом. Лиран откупорил его и капнул несколько тёплых, густых капель на ладонь. Терпкий древесный запах с едва уловимой горчинкой сразу наполнил воздух. Этот аромат всегда действовал на него успокаивающе, собирал мысли воедино. Он медленно растёр масло между ладонями, втирая его в сухую кожу рук, затем провёл пальцами по гладко выбритому лицу, смягчая стянутость.

— Прихорашиваешься?

Голос раздался за спиной неожиданно. Лиран вздрогнул и резко обернулся. В дверном проёме стоял Эйдан, опершись плечом о косяк, с привычной тенью насмешки. Лиран фыркнул и смерил его холодным, надменным взглядом.

— Не знаю, из какой выгребной ямы ты вылез, — произнёс он язвительно, — но в приличном обществе мужчинам не зазорно следить за собой и выглядеть опрятно.

Эйдан тихо усмехнулся.

— Пойдём, — сказал он, отстраняясь от косяка. — Нас ожидают.

Лиран ещё раз провёл ладонью по щеке, ставя точку в этом коротком ритуале, и направился к выходу.

Когда они с Эйданом вошли в зал совета, за круглым столом уже сидели Луиза, Ирис и Сандер. Королева, склонившись к коннетаблю, негромко говорила с ним. Речь шла о его временной замене на время миссии в Эстерии. Луиза рассматривала кандидатуру сэра Рональда Корна — старшего капитана пограничных войск, человека строгого и рассудительного. Он уже успел зарекомендовать себя тем, кто умеет держать порядок без лишнего шума и амбиций.

— Он не из тех, кто станет тянуть одеяло на себя, — тихо заметила Луиза. — И люди ему доверяют.

— Я полностью согласен с этим выбором, Ваше Величество, — кивнул Сандер.

Всё это время Луиза заметно избегала смотреть в сторону Ирис. В глубине души ей было крайне стыдно. Именно Ирис пришлось исправлять последствия её эмоциональной вспышки. От этой мысли внутри всё неприятно сжималось. Луиза чувствовала себя неловко и беспомощно, будто ребёнок, за которым взрослые вынуждены раз за разом разгребать устроенный им беспорядок. Ирис, напротив, сидела спокойно, сложив руки на столе. Лицо её было бледным, под глазами залегли тени, но держалась она достойно. Ирис ни разу не попыталась привлечь внимание Луизы и не выказывала ни упрёка, ни раздражения. От этого королеве становилось только тяжелее.

Чуть погодя Сандер первым заметил вошедших и выпрямился.

— Вы вовремя, — сказал он негромко.

Луиза подняла взгляд и с настороженностью уставилась на Лирана. Он был одет в тёмно-синюю кофту из плотной шерсти, перехваченную узким кожаным поясом. Под ней виднелась светлая льняная рубаша с аккуратно застёгнутым воротом. Одежда была простой, без лишних украшений, но сидела безупречно опрятно. Светлые волосы Лирана были стянуты в тугий хвост

на затылке, открывая собранное лицо. Под пристальным взглядом Луизы он неловко переступил с ноги на ногу, затем склонился в почтительном поклоне.

— Ваше Величество, примите мои глубочайшие соболезнования.

Луиза выдержала короткую паузу, затем сдержанно кивнула.

— Присаживайтесь, — произнесла она ровно и указала на свободное место за столом.

Эйдан и Лиран расселись по местам. Некромант расположился рядом с Ирис и, чуть наклонившись к ней, тихо поинтересовался:

— Ты как?

— Всё хорошо, — с лёгкой улыбкой ответила Ирис. — Постепенно прихожу в норму.

Луиза в этот момент сжала губы. Она положила руки на стол, выпрямилась и произнесла уже громче, так, чтобы её слышали все:

— Сегодня в этом зале собрались люди, которым предстоит выполнить одну из важнейших миссий для короны. Я рассчитываю на вашу собранность и благоразумие, — её взгляд на мгновение задержался на каждом из присутствующих. — Пока Эйдан будет решать вопросы здесь, в Кадере, вы должны действовать без лишнего риска. Никакой самостоятельности. Вы представляете не только себя, но и всё королевство. Будьте предельно осторожны.

Лиран с недоумением покосился на Эйдана и, понизив голос, спросил:

— Так ты не едешь?

— Я постараюсь прибыть через месяц. А что? Будешь скучать? — ухмыльнулся некрмант.

Лиран тихо фыркнул.

— Речь идёт о серьёзном деле, а не о прогулке, — сухо заметил он. — Менять состав делегации в последний момент — непрофессионально.

Улыбка Эйдана стала холоднее.

— Никто ничего не меняет, — отрезал он. — План остаётся прежним. Я просто присоединюсь позже.

Луиза строго посмотрела на них двоих. В повисшей паузе Сандер негромко прокашлялся, явно напоминая, что внимание должно быть приковано к королеве. Луиза благодарно кивнула ему и снова перевела взгляд на собравшихся.

— Корабль уже готовят к отплытию, — продолжила она ровным, деловым тоном. — Если не возникнет непредвиденных задержек, он будет готов к концу недели. У вас есть несколько дней, чтобы завершить все приготовления, — её взгляд остановился на Ирис. — Леди Генриетта, если вы завершили все дела в Каймуре, можете оставаться в замке до самого отплытия. Здесь вам будет проще координировать последние приготовления.

— Благодарю, Ваше Величество, — спокойно ответила Ирис. — Все необходимые указания я уже передала супругу, — она на мгновение замолчала, а затем перевела внимательный взгляд на Лирана. — Я знаю, что ты являешься запечатанным магом. Могу поинтересоваться, какой стихии? И пользовался ли ты магией до того, как был запечатан?

В зале повисла короткая пауза. Лиран чуть напрягся, словно её вопрос задел что-то давно похороненное внутри. Он сцепил пальцы на столе и ответил сухо, без лишних интонаций:

— Земля. Это была моя стихия... Мне было тринадцать, когда меня запечатали. — Он едва заметно повёл плечом. — С тех пор прошёл двадцать один год. Честно говоря, я уже почти не помню, как выполняются даже простые магические манипуляции.

Ирис задумчиво кивнула.

— Ты знаешь, что существует ритуал, способный снять магические руны с твоей кожи и высвободить спящую силу? — спросила она спокойно.

— Да, — неуверенно ответил Лиран.

Ирис чуть сузила глаза, внимательно всматриваясь в его лицо.

— Ты не готов вновь обрести силу. Верно?

Лиран умолк. Его взгляд скользнул в сторону, мимо стола, будто он искал опору где-то вне этого разговора. Челюсть на мгновение напряглась.

— Не вижу проблемы провести ритуал сейчас, — спокойно вмешался Эйдан, откинувшись на спинку стула.

Ирис повернула голову в его сторону.

— Он не готов принять собственную силу, Эйдан.

— Ничего с ним не будет, — некромант небрежно махнул рукой.

Глаза Ирис опасно блеснули. Она скрестила руки на груди.

— Ты когда-нибудь проводил этот ритуал?

— Проводил. И поверь, с человеком ничего не случилось. Он потом был мне благодарен.

— Потому что он *хотел* этого, — отрезала Ирис. — Ритуал снятия печатей завязан на внутреннем согласии. Иначе руны начинают конфликтовать с собственной энергетикой носителя.

— Ты драматизируешь, — сухо бросил Эйдан. — Формула стабилизации гасит такие колебания.

— Только если печати нанесены по классической сетке! — Ирис подалась вперёд. — А у инквизиторских рун из Вечности Тени была другая структура. Там тройное замыкание на узлах души. Резкий разрыв может повредить каналы.

— Я видел и хуже, — хмыкнул Эйдан. — Человеческая система куда прочнее, чем ты думаешь.

— А я видела, как люди после таких экспериментов теряли контроль над магией, — голос Ирис стал холоднее.

За столом повисло напряжение. Сандер переводил взгляд с одного на другого, явно не понимая половины терминов, но прекрасно улавливая накал спора.

Ирис резко повернулась к Лирану.

— Разденься по пояс. Покажи руны.

— Что? — Лиран моргнул, явно не ожидая такого поворота. — Я... я не собираюсь раздеваться здесь.

— Раздевайся, — угрожающе повторила Ирис.

Лиран беспомощно посмотрел на Эйдана. Тот лишь с любопытством усмехнулся и, скрестив руки на груди, выжидающе уставился на него, явно наслаждаясь происходящим. Бывший инквизитор тяжело вздохнул, поднялся со стула и, стараясь сохранять остатки достоинства, стянул верхнюю одежду, оголяя худощавый торс. Чёрные руны густой сетью покрывали его грудь, плечи и спину. Ирис подошла ближе, не обращая внимания ни на неловкость ситуации, ни на пристальные взгляды остальных. Она медленно обошла Лирана, изучая линии печатей с профессиональной сосредоточенностью.

— Ага... — тихо протянула она. — Подойди, посмотри.

Она мягко надавила Лирану на плечи, заставляя его наклониться вперёд. Он упёрся руками в стол, вздрогнул всем телом и тихо возмущённо пискнул:

— О Смотрящий... какие же холодные руки.

— Потерпи чуть-чуть, — сухо отозвалась Ирис.

Она указала пальцем на один из символов у основания его лопаток. Эйдан наклонился ближе, прищурившись. Несколько секунд он молча рассматривал узор.

— Видишь? — сказала Ирис. — Тройное замыкание здесь завязано на центральном канале. Если сорвать печати без согласия, энергия пойдёт вразнос. Его просто выжжет изнутри.

Брови Эйдана медленно поползли вверх.

— Хм... — протянул он. — А ведь ты права, — он выпрямился и с лёгкой улыбкой посмотрел на Ирис. — Что ж, мне стоит извиниться. Я зря подверг сомнению твои слова. Был неправ.

Лиран, всё ещё наклонённый над столом, осторожно повернул голову.

— Я могу... уже одеться? — сдержанно спросил он.

— Да, — кивнула Ирис, отступая на шаг. Её лицо озарила победоносная улыбка.

Луиза и Сандер переглянулись и почти одновременно уставились на неё. В их взглядах читалось искреннее изумление. Они привыкли воспринимать Эйдана как безусловный авторитет в вопросах магии. И то, что Генриетта не просто возразила ему, но и оказалась права, заметно поколебало эту привычную картину.

Эйдан тем временем перевёл взгляд на Лирана и как ни в чём не бывало спросил:

— Как твой желудок реагирует на зелья?

Лиран моргнул, сбитый с толку таким резким поворотом разговора.

— Это ты к чему? — настороженно поинтересовался он.

— К тому, — спокойно ответил Эйдан, — что я собираюсь приготовить для тебя обратное зелье. В Эстерию ты отправишься с другой внешностью. Ты слишком долго был инквизитором. Даже если тебе кажется, что за пределами Кадере тебя никто не знает, это опасное заблуждение. Достаточно одному из твоих бывших «друзей» опознать тебя, и вся наша миссия окажется под угрозой, — он чуть выдержал паузу. — Зелье придётся принимать раз в три дня. Одного глотка будет достаточно, чтобы поддерживать облик без сбоев. Я рассчитаю состав так, чтобы запаса хватило примерно на три месяца.

Лиран медленно выдохнул и провёл ладонью по лицу.

— Ясно. Думаю, выбора у меня всё равно нет.

— Подожди, — произнесла Луиза и озадаченно посмотрела на Эйдана. — Какое ещё обратное зелье? Это значит, что любой может изменить внешность и проникнуть туда, куда ему хочется?

— Нет, — спокойно ответил он. — Такие зелья — редкость. В их основу входит вытяжка из зимнего мирриса. Это растение официально считается вымершим уже больше ста лет. Оно крайне нестабильно в культивировании и почти не поддаётся разведению вне определённых условий. Именно поэтому его использование запретили: слишком велик был соблазн применить его не по назначению.

Он сделал короткую паузу и невинно добавил:

— К счастью, один экземпляр всё ещё растёт у меня в саду в особняке.

Луиза медленно вскинула брови.

— Надеюсь, доступа к нему больше ни у кого нет?

— Разумеется, — сухо отозвался Эйдан. — Я не настолько беспечен. Без точной формулы и правильной обработки миррис всего лишь ядовитый сорняк. В лучшем случае зелье не сработает. В худшем — оставит человека без лица в самом буквальном смысле.

Услышав это, Лиран сглотнул и с нервным смешком добавил:

— Чувствую, поездка обещает быть... оздоровительной.

Собрание продлилось ещё несколько часов. За это время они разобрали маршрут плаванья до Эстерии, возможные порты для промежуточных остановок и условные сигналы на случай, если связь с Кадере окажется прервана. Ирис взяла на себя вопросы магической защиты и снабжения, коротко обозначив, какие артефакты и зачарованное оружие им понадобятся на месте. Луиза внимательно слушала, время от времени задавая уточняющие вопросы. Когда основные решения были приняты, напряжение в зале немного спало. Каждый из присутствующих ясно понимал свою роль и цену возможной ошибки.

Луиза поднялась первой, давая понять, что собрание окончено.

— Благодарю вас, — произнесла она спокойно. — Подготовьтесь. Впереди у вас долгий путь.

Чуть позже Эйдан решил проводить Ирис до её покоев. Он шёл рядом, не касаясь её, но внимательно следя за каждым шагом. Силы ещё не до конца вернулись к ней после истощения, и усталость тяжёлой вуалью ложилась на плечи. Веки наливались свинцом, мысли становились вязкими.

— Ты бы видела, как они на тебя смотрели, — произнёс он, искоса наблюдая за ней.

— Мне достаточно было твоего пожирающего взгляда, — ухмыльнулась Ирис.

— Что есть, то есть. Умные женщины — моя слабость.

Они дошли до её комнаты. Ирис на мгновение задержалась у двери, затем тихо сказала:

— Давно хотела поговорить... о нас. Пройдёшь?

Эйдан молча кивнул и вошёл. В центре комнаты стоял аккуратный столик с фруктами и кувшином воды. Двери балкона были распахнуты, и внутрь проникал прохладный ветерок, колыша лёгкие занавеси. Ирис немного потопталась на месте, собираясь с мыслями, затем присела рядом у столика. Несколько секунд она молчала, глядя на своё серебряное кольцо.

— Сейчас у меня есть только одна цель, — наконец произнесла она тихо. — Найти и уничтожить Каэрноса. Я... не знаю, что со мной произойдёт за это время. И не могу тебе ничего обещать.

Эйдан ответил не сразу. Он сел ближе, осторожно взял её руку и накрыл своей. Его ладонь была тёплой.

— Я не строю никаких иллюзий насчёт будущего и ничего от тебя не требую, Ирис, — сказал он спокойно. — Я лишь отчасти понимаю, какой спектр чувств ты переживаешь после того, как вспомнила себя. И не хочу, чтобы наши отношения становились для тебя ещё одной ношей, — он слегка сжал её пальцы. — Если всё, что мы можем себе сейчас позволить — это идти рядом, не связывая друг друга обещаниями, значит, так тому и быть.

Ирис в изумлении посмотрела на него. В её взгляде мелькнуло что-то мягкое и уязвимое, она не ожидала услышать настолько спокойный и зрелый ответ.

— Ты умеешь говорить именно то, что нужно... и именно тогда, когда нужно, — тихо сказала она. — Хотя, если подумать, чего ещё ожидать от человека, которому сто шестьдесят лет?

Эйдан тут же наигранно нахмурился.

— Не делай меня старше. Мне сто пятьдесят три.

— Разумеется, — серьёзно кивнула Ирис. — Прошу прощения.

Он тихо фыркнул, и они оба рассмеялись. Смех снял остатки напряжения, разрядил ту тяжесть, что висела между ними с самого её приезда в столицу. Ирис постепенно посерьёзнала. Она задержала на нём взгляд, затем тихо произнесла:

— Спасибо.

Он хитро усмехнулся и в его взгляде мелькнул озорной огонёк.

— Я кое-что очень долго от тебя жду.

Ирис прищурилась.

— Чего это?

— Догадайся.

Его ладонь всё ещё удерживала её руку, но пальцы слегка сжались. Эйдан склонил голову, и прядь волос упала ему на лоб. Ирис выдохнула, сама не заметив, как подалась вперёд. Их губы встретились, и уже в следующее мгновение Эйдан притянул её ближе свободной рукой, прижал к себе, и поцелуй стал глубже, настойчивее. В нём смешались усталость прошедших дней, тревога и тихое облегчение.

Он провёл большим пальцем по её запястью, не разрывая поцелуя, и вдруг ощутил неровность кожи. Эйдан медленно отстранился, дыхание всё ещё касалось её губ. Взгляд скользнул вниз. На тыльной стороне её руки, у самого основания кисти, тянулись тонкие белёсые полосы

— шрамы от верёвок. Лицо Эйдана изменилось мгновенно. Исчезла мягкость, остался только холодный, обжигающий гнев.

— Как долго это ничтожество ещё будет жить? — строго спросил он.

Ирис медленно выдохнула.

— Ты прекрасно знаешь, что Хестер мне полезен.

— Да, — резко ответил Эйдан. — Но с чего ты взяла, что он не попытается отомстить? За брата, за унижения. Даже ценой собственной жизни.

— Он меня боится, — спокойно сказала Ирис. — К тому же я ему кое-что пообещала. Эйдан скривился.

— Ты ему ещё что-то пообещала?

— Я обещала вернуть ему Райнарда, если он будет выполнять всё, что я велю.

Некромант уставился на неё в полном недоумении.

— Надеюсь, ты блефуешь.

— Нет. Я всегда держу своё слово.

Эйдан нахмурился сильнее.

— Но почему я должен возвращать этого выродка?

— Ты всё поймёшь в своё время, — на губах Ирис мелькнула едва заметная улыбка. — Пока что не забивай себе этим голову. Просто доверься мне.

Она подняла руку и ласково пригладила выбившуюся прядь его волос. Эйдан коротко выдохнул, сдерживая возражения, и отвёл взгляд.

— Что ж... хорошо. Поступай как знаешь. Но не позволяй жажде мести затуманить себе разум.

— Это ты мне говоришь? — усмехнувшись, спросила Ирис.

— Я лишь даю совет, — спокойно ответил он. — Прислушиваться к нему или нет — решать тебе.

— Угу, — устало произнесла Ирис и зевнула, прикрыв рот ладонью. Усталость, которую она упрямо игнорировала весь день, наконец взяла своё.

Эйдан качнул головой.

— Ладно. Отдыхай.

Он провёл большим пальцем по её щеке и на мгновение задержался, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал. Когда дверь за ним закрылась, комната снова наполнилась тихим шелестом ветра с балкона. Ирис легла на кровать, вытянулась и почти сразу провалилась в сон.

В преддверии отплытия Эйдан и Ирис решили, по мере занятости, выбираться на тренировки за пределы столицы. Пустошь за старой каменоломней подходила для этого идеально. Эйдан был одет в тёмный камзол из плотной ткани. Широкие рукава были закатаны до локтей, открывая предплечья. Ирис выбрала лёгкую тёмную тунику, плотно облегающую фигуру, и узкие штаны. Она завязала волосы в тугую косу, перекинула её за плечо и подняла взгляд на Эйдана.

— Я хочу, чтобы ты использовал всю свою мощь против меня, — спокойно сказала она. — Поэтому не сдерживайся.

Он усмехнулся, скрестив руки на груди.

— Как скажешь.

Эйдан выпрямился, и воздух вокруг него начал медленно сгущаться, наполняясь тяжёлым, давящим присутствием. Камни под ногами Ирис едва заметно задрожали. Сухая пыль приподнялась и зависла в воздухе. Тепло вспыхнуло у него в груди и разлилось по венам. Эйдан медленно развёл руки в стороны, и между его ладонями проступило марево — сначала дрожащее, а затем налившееся цветом расплавленного золота. Воздух зашипел. Камни потемнели, покрываясь тонкой сетью трещин. Он сжал пальцы, и волна жара прокатилась по пустоши,

ударив в щит Ирис, который она успела создать за секунду до удара. Она отступила на полшага и подняла руку. Ответ пришёл мгновенно. Молния родилась без звука — тонкая, ослепительно-белая, она пронзила воздух и рассыпалась у неё над плечом, образуя мерцающий купол.

— Слабо, — бросил он, и в следующий миг шагнул вперёд.

Ирис что-то гневно прошептала. Небо над пустошью потемнело, в ответ на её зов. Воздух наполнился металлическим привкусом, волосы на руках Эйдана встали дыбом. Ирис резко взмахнула рукой. Молния сорвалась с небес и ударила в землю перед Эйданом. Камень взорвался, разлетелся осколками, ослепительный свет на миг поглотил всё вокруг. Волна силы откинула его на шаг назад, сапоги с хрустом врезались в раскалённую гальку. Вторая вспышка пришла сразу же прямо в него. Эйдан выругался сквозь зубы и вскинул обе руки. Огонь рванулся навстречу удару, с трудом собираясь в плотный щит. Пламя взвыло, вспухло стеной, но молния не погасла — она врезалась в огонь. Жар и электричество сцепились в яростном сплетении. Эйдан ощутил, как сила вырывается из-под контроля, как огонь норовит рассыпаться, а мышцы сводит судорогой. Он упёрся ногами в землю, чувствуя, как камень врезается в подошву, и с рыком втолкнул в щит ещё один огненный импульс.

Вспышка ослепила. Когда свет рассеялся, Эйдан стоял, тяжело дыша. Рукава были прожжены, на коже проступали тонкие линии ожогов, которые быстро заросли. Огонь вокруг него колебался, неровный, но всё ещё подчинённый его воле. Он медленно опустил руки и поднял взгляд на Ирис.

— Хорошо, — улыбнулся он, переводя дыхание. — Очень хорошо.

Эйдан топнул ногой, и из трещин в земле рвануло пламя. Огненный столб поднялся стеной, приняв на себя ещё один разряд. Эйдан шагнул сквозь пламя. Теперь он не сдерживался. Огонь обвил его плечи, как живое существо, и потёк по рукам. Он резко выбросил ладонь вперёд и огненный поток рванул к Ирис, закручиваясь спиралью, пожирая воздух.

Ирис развернулась на пятке, позволив потоку пройти чуть дальше, и в тот же миг метнула вперёд обе руки. Молнии вспыхнули веером, ударяя не в огонь, а в землю под ним. Камень взорвался, нарушив плетение, и пламя разорвалось, потеряв форму. Эйдан отшатнулся, резко выдохнув.

— И это всё?! — рявкнул он, перекрывая гул грома. — Так ты собираешься сражаться с Каэрносом?! Да он же снова раздавит тебя как муху!

От этих слов у Ирис перехватило дыхание, словно кто-то сжал ей грудь изнутри. А потом что-то внутри неё надломилось. Земля под ногами задрожала, и её тело медленно начало подниматься в воздух. Верёвка, удерживающая косу, с сухим треском лопнула, и волосы расправились, подхваченные порывом ветра. Тучи сомкнулись окончательно. Небо стало настолько тёмным, что на мгновение показалось — наступила ночь. Молнии больше не били в землю. Они устремились к ней. Разряды спускались с небес и обвивали её тело, словно живые змеи, скользя по рукам, плечам и спине. Воздух звенел от напряжения. Ирис собирала всю свою силу. Её глаза засияли холодным, нечеловеческим светом. Эйдан остолбенел. Огонь вокруг него погас сам собой, будто не решился существовать рядом с этим зрелищем.

— Богиня... — выдохнул он с восхищением.

Некромант не успел ни поднять защиту, ни сделать шаг. Сконцентрированный импульс, который собирала в себе Ирис, сорвался с такой силой и скоростью, что мир словно схлопнулся. Эйдана впечатало в землю. Глухой удар разнёсся по пустоши. Камень под ним треснул и ушёл вглубь. В груди что-то отчетливо хрустнуло. Рёбра ломались одно за другим, боль вспыхнула ослепляющей волной, дыхание вырвало из лёгких. Он ощутил, как кровь наполняет рот, как тело отказывается слушаться и как мир на миг гаснет. Впервые за всю свою долгую жизнь

Эйдан почувствовал такую близость к смерти. Ирис медленно опустилась на землю перед ним. Ноги не выдержали и она упала на колени, полностью обессиленная.

— Ты как? — с волнением спросила она.

Эйдан закашлялся, с трудом повернул голову и сплюнул кровь в сторону.

— Порядок... — прохрипел он. — Превосходный... удар...

Она рухнула рядом с ним, на холодную землю. С небес сорвался дождь, тяжёлые капли падали им на лица, смешиваясь с пылью и потом. Они лежали рядом, глядя в тёмное небо, тяжело дыша.

— Я сейчас восстановлюсь и можем продолжать, — глухо произнёс он спустя паузу.

— Не можем, — сказала она. — Я выдохлась.

— Уже?

Ирис повернула к нему голову. Бровь возмущённо взлетела вверх, в глазах вспыхнуло раздражение.

— Если бы у меня было тело магички, а не обычного человека, то было бы всё куда проще, — бросила она. — Видишь?

Ирис подняла руку и стала щёлкать пальцами. Между ними вяло вспыхивали крошечные разряды.

— Ладно, я понял, — вздохнул он.

Ирис вдруг резко поднялась, пошатнувшись, но удержав равновесие. Она уставилась на него каким-то странным, почти безумным взглядом.

— А знаешь что? — сказала она хрипло. — Убей меня. Найди мне другое тело.

Эйдан замер, а затем нервно усмехнулся, глядя на неё снизу вверх.

— Ты же понимаешь, что всё не так просто? То, что ты здесь, уже чудо, — он еле приподнялся на руках, дотянулся до неё и осторожно вытер капли дождя с её лица. — Ты сейчас главное успокойся, — продолжил он тише. — Магический потенциал тела будет накапливаться. Это не быстрый процесс, но он идёт. С этого дня я каждый день буду с тобой тренироваться. А когда я приеду в Эстерию, мы вновь продолжим.

Ирис несколько секунд молча смотрела на него. Дождь стекал по её ресницам, дыхание постепенно выравнивалось. Потом она медленно кивнула.

— Да, хорошо. Ты главное не бери в голову. Я сказала это на эмоциях.

— Я знаю, — улыбнулся он.

Глава 5

Отплытие

Настал день отплытия. Делегация должна была покинуть столицу ближе к вечеру, но замок проснулся задолго до рассвета. В коридорах уже слышались торопливые шаги слуг и приглушённые голоса знати. Воздух был наполнен особым напряжением.

Луиза стояла перед высоким зеркалом, пока служанки осторожно помогали ей натянуть бордовое бархатное платье. Ткань мягко ложилась по фигуре, отливая тёмным винным блеском. Рукава были длинными и узкими, расшитыми тонкой серебряной нитью. Луиза молчала, задумчиво глядя на собственное отражение. В этот момент в дверь тихо постучали. Одна из служанок поспешила открыть, и на пороге показался юный паж. В руках он держал небольшую деревянную коробочку, украшенную утончённой резьбой.

— Личный заказ для Её Величества от ювелирного дома «Серебряный гладиатор», — почтительно произнёс он, передавая коробочку.

Луиза едва заметно напряглась. Взгляд её на мгновение задержался на посылке, и в глазах мелькнула настороженность. Она кивнула служанке.

— Положи на трюмо.

Коробочку оставили на полированной поверхности среди украшений и флаконов духов. Луиза не подошла к ней сразу. Она дождалась, пока служанки закончат с платьем, поправят складки и закрепят украшения в волосах. Лишь когда приготовления были завершены, королева спокойно произнесла:

— Оставьте меня.

Служанки поклонились и одна за другой покинули покои. Только тогда Луиза медленно подошла к трюмо. Её пальцы зависли над резной крышкой на короткое мгновение, прежде чем она решилась открыть её. Внутри на белом шёлке лежали два браслета. Украшения были необычными: основа была выполнена из рутена, а сверху тонко облицована золотом. По поверхности тянулись гравированные узоры, напоминавшие переплетённые ветви. Золото мягко ловило свет, подчёркивая чёткие линии рисунка, а сами браслеты казались удивительно лёгкими, несмотря на плотность материала.

Луиза осторожно взяла один из них. Едва металл коснулся кожи, она почти сразу ощутила, как уже привычный для неё магический поток начал затихать. Она задержала дыхание и медленно надела браслет на запястье, затем — второй. В ту же секунду напряжение, в котором она находилась последние дни, стало отступать. Тревога рассеялась, а власть над собственным телом наконец вернулась к ней. Лицо Луизы озарила искренняя и облегчённая улыбка.

Но вдруг внутри что-то резко дёрнулось. Она охнула и инстинктивно приложила руки к животу. Ребёнок, росший в её утробе, словно выразил своё недовольство столь резкой перемене. Луиза выдохнула и бережно начала поглаживать живот, пытаясь успокоить и себя, и маленькую жизнь внутри.

— Прошу, не сердись, — прошептала она. — Мне это необходимо.

После её просьбы толчков больше не было. Не так давно Луиза с удивлением обнаружила, что ребёнок откликается на её голос. Стоило ей заговорить, как внутри отзывалось мягкое движение. Это открытие поначалу напугало её, а затем принесло странное, тёплое утешение. Теперь где бы она ни находилась, с ней всегда было это тихое, живое присутствие. И вместе с ним пришло ощущение, что она больше не одинока, как бы тяжело ни становилось вокруг.

Чуть позже Луиза направилась к кабинету Вильгельма. После его смерти она намеренно обходила эту часть замка стороной, каждый раз находя повод отложить визит. Ей казалось, стоит переступить порог — и тоска обрушится на неё с новой силой. Дверь тихо отворилась.

Внутри пахло бумагой, старым деревом и самим Вильгельмом, как будто он только что был здесь. За письменным столом стоял канцлер Тармон. Он аккуратно разбирал стопки документов, раскладывая их по местам. Услышав шаги, он поднял голову и, заметив королеву, тут же выпрямился и галантно поклонился.

— Ваше Величество, пришли навести свой порядок? — улыбнулся он.

Луиза сглотнула подступивший к горлу ком и медленно прошла вдоль стеллажей с книгами.

— Отец проводил здесь больше времени, чем где-либо ещё. Пусть всё останется как есть, — глухо произнесла она.

— Боюсь, если мы совсем ничего не тронем, — заметил Ангус Тармон с лёгкой улыбкой, — через месяц тут начнётся маленькая бумажная катастрофа. Его Величество обладал редким талантом наводить порядок так, что разобраться в нём мог только он сам.

Уголки губ Луизы слегка приподнялись.

— Он говорил, что это «система творческого хаоса». И страшно обижался, когда я пыталась что-либо переложить.

— О, я помню, — протянул Тармон. — Однажды я осмелился рассортировать его отчёты по датам. Он искал нужный свиток полдня и потом торжественно объявил, что при прежнем порядке нашёл бы его за минуту.

— Он был такой упрямый, — с грустью усмехнулась она.

Канцлер внимательно посмотрел на неё, затем отступил в сторону и с учтивым жестом указал на кресло за письменным столом.

— Тогда, возможно, вам стоит занять его место, Ваше Величество. Кабинет должен привыкать к новому хозяину. В вашем случае хозяйке.

Луиза на мгновение замерла, колеблясь. Затем медленно кивнула.

— Хорошо... — согласилась она.

Луиза подошла к столу и осторожно опустилась в кресло. Дерево тихо скрипнуло под её весом. Она провела ладонью по гладкой поверхности столешницы, чувствуя под пальцами едва заметные царапины и неровности. Канцлер Тармон чуть помедлил, наблюдая за тем, как Луиза осваивается за столом, затем протянул руку к аккуратной стопке бумаг. Он вынул оттуда свиток с королевской печатью и на мгновение задержал его в пальцах.

— Я тут обнаружил кое-что интересное, — произнёс он и протянул свиток Луизе.

Она с лёгким удивлением приняла его и развернула. Плотный пергамент тихо зашелестел. Глаза быстро пробежали по ровным строкам — и она замерла.

Это была жалованная грамота. В ней говорилось, что за проявленную смелость при спасении короля во время пожара и за беспрекословную верность короне Куинну жалуются титул графа, а также передаётся во владение небольшой особняк на юге Кадере, в землях Соллери — тихом и плодородном крае, известном своими садами и мягким климатом.

Ошеломлённая Луиза ещё раз пробежала глазами по строкам. Смысл прочитанного медленно улёгся в сознании, и в груди неожиданно разлилась искренняя радость за Куинна. Он как никто заслужил это признание. Ещё во время восстания именно он провёл её в палатку Сайласа Фроста и отвёл на себя врагов, рискуя жизнью. Тогда она впервые по-настоящему поняла ценность его верности.

— Его Величество умел быть благодарным, — мягко заметил Тармон. — Грамота была готова к подписи. Он собирался вручить её после ваших именин.

Луиза аккуратно свернула свиток, задержав на печати задумчивый взгляд.

— Тогда... — она подняла глаза на канцлера. — Мы доведём его волю до конца. Я подпишу грамоту сегодня же. Но с объявлением придётся повременить.

Тармон чуть склонил голову, ожидая продолжения.

— Я только вступила на престол. Любое решение сейчас будет рассматриваться с пристальным вниманием. Если я немедленно пожалую земли человеку, которого при дворе привыкли считать шутом, это вызовет ненужные разговоры. Подготовьте всё так, чтобы через месяц мы могли вручить грамоту без лишнего шума. За это время я постараюсь укрепить своё положение, чтобы никто не посмел усомниться в правильности этого указа.

— Мудрое решение, Ваше Величество, — Тармон позволил себе едва заметную одобрительную улыбку. — Я всё устрою.

— Ну что, готов? — спросил Эйдан, протягивая Лирану железный бутылёк с оборотным зельем.

— Не совсем, — скривился тот.

Они находились в кабинете Аники. Целительница стояла чуть в стороне и напряжённо глядела на них, готовая в любой момент вмешаться — мало ли как организм бывшего инквизитора отреагирует на столь редкий состав. Ирис тоже решила присутствовать. Ей никогда прежде не доводилось видеть, как действует обратное зелье. Она оперлась плечом о книжный шкаф, внимательно следя за происходящим. Лиран тяжело вздохнул и откупорил бутылёк. Из горлышка потянулся резкий, терпкий запах — смесь горечи и чего-то сладковато-прелого, напоминавшего перезревшие фрукты, оставленные под солнцем.

— Если я после этого ослепну или позеленею, — мрачно заметил он, — винить буду тебя.

— Пей уже, — сухо отозвался Эйдан.

Лиран зажмурился и сделал один глоток. Вкус оказался хуже, чем он ожидал. Жидкость была густой, почти маслянистой, с металлическим привкусом крови и едкой горечью полыни. В конце вспыхнула странная сладость, от которой неприятно защипало язык. Он сморщился так, словно проглотил уксус.

— Это... отвратительно, — прохрипел он, сглатывая остатки.

— Значит, всё идёт по плану, — невозмутимо произнёс Эйдан.

Лиран подошёл к зеркалу и стал всматриваться в своё отражение. Он поворачивал голову то влево, то вправо, внимательно изучая черты лица. Но ничего не происходило.

— Ну и что? — спросил он, приподняв бровь.

— Подожди. Зелье действует не сразу, — спокойно ответил Эйдан.

Пока они ожидали, Ирис подошла к некроманту ближе.

— Как там дела у Ханны?

— Живёт себе припеваючи. Никто её не достаёт.

— Например, ты? — усмехнулась она.

— В том числе, — без тени смущения произнёс Эйдан.

В этот момент Лиран резко вскрикнул. Все одновременно обернулись. Он схватился за предплечье и с брезгливым выражением лица посмотрел на него.

— У меня под кожей как будто черви копошатся, — выдохнул он, с явным трудом сдерживая отвращение.

— А чего ты хотел? — спокойно заметил Эйдан. — Твоё тело меняется.

Ощущение нарастало. Под кожей действительно будто что-то двигалось. Лирана бросило в жар, затем в озноб. Кости в лице сдвинулись на доли миллиметра. Он ощутил давящее чувство, словно череп аккуратно перестраивали изнутри. В ушах зазвенело, и на мгновение ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Лиран схватился за край стола, чтобы удержать равновесие. Кожа на руках натянулась, затем расслабилась.

В этот момент дверь распахнулась. В кабинет вошёл Куинн и застыл, не сделав и шага дальше. Его взгляд упал на фигуру у зеркала, и он буквально увидел, как черты лица на глазах меняются, текут, словно воск под жаром.

— Закрой дверь, — прыснула Аника, не отрываясь от Лирана.

Куинн вздрогнул и поспешно захлопнул за собой дверь.

— Я, конечно, многое видел при дворе, — пробормотал он, — но чтобы такое...

Синие глаза Лирана постепенно потемнели, приобретая мутновато-карий оттенок. Волосы утратили прежний блеск, стали тоньше и реже. Ноздри расширились, спинка носа чуть опустилась. Кожа пошла мелкой рябью, будто её слегка обветрили годы. Черты стали неприметными, серыми и безликими. Лиран округлил глаза и шагнул к зеркалу так близко, что нос почти упёрся в холодное стекло.

— Какой же я урод... — простонал он, осторожно трогая короткими, слегка распухшими пальцами своё лицо.

— Ну уж извини, — повёл плечами Эйдан. — Ты не на бал собирался. Неприметность — это тоже достоинство. В твоём случае... единственное.

Аника, не разделяя их язвительности, подошла к Лирану и внимательно осмотрела его с ног до головы. Она чуть наклонилась, всматриваясь в зрачки, затем коснулась его запястья, проверяя пульс.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась она.

— Отвратительно, — фыркнул Лиран, отводя взгляд от зеркала. — Лучше бы я умер.

— Предчувствую, он будет той ещё головной болью, — тихо заметила Ирис, шагнув ближе.

Она остановилась перед ним и коротко распорядилась:

— Подними рукава.

Лиран помедлил, но под её взглядом всё же закатал ткань выше локтя. Его тело изменилось, но вот руны остались. Чёрные, резкие, как ожоги, они по-прежнему тянулись по коже, переплетаясь сложными узорами.

— Так я и думала, — задумчиво протянула Ирис. — Руны не скроет ни одна магия. Они вплетены в самую структуру твоей природы. Придётся тебе носить одежду, которая закрывает всё это полностью.

Лиран опустил рукав и сухо усмехнулся.

— Я был бы не прочь закрыться целиком. Чтобы ни одна живая душа не увидела это безобразие.

Ирис выгнула бровь, упёрлась ладонями в бёдра и посмотрела на него без малейшего сочувствия.

— Хватит скулить. Тебя от эшафота спасло только то, что ты намлезен. Не путай это с особым положением.

В кабинете повисла тишина. Лиран сжал губы, взгляд его потемнел, но он ничего не сказал. Лишь отвёл глаза и медленно кивнул, подавляя всё, что рвалось наружу.

— Осторожнее, Лиран, — усмехнулся Эйдан, скрестив руки на груди. — Леди Генриетта с тобой сюсюкаться не будет.

В этот момент Аника обратила внимание на Куинна, который всё ещё стоял у двери, наблюдая за происходящим с нескрываемым интересом.

— Ты что-то хотел? — спросила она.

— Ах да! — оживился Куинн, словно только сейчас вспомнил причину своего визита. — В саду леди Вивьен упала в обморок.

— От чего на этот раз? — устало уточнила Аника.

— На неё сел жук, — с наигранной серьёзностью ответил он. — Большой такой, с рогами. Настоящее чудовище.

Аника медленно прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Разумеется.

Она быстро прошла к дальнему шкафу, где хранила настои и порошки, и начала перебирать склянки. Тем временем Ирис коротко кивнула.

— Ну, мы пойдём.

Эйдан бросил на Лирана оценивающий взгляд и направился к выходу. Бывший инквизитор, всё ещё мрачный и явно недовольный своей новой внешностью, последовал за ними. Куинн, оставшись наедине с Аникой, машинально потянулся к столу и взял небольшой флакон. Он покрутил его в пальцах, наблюдая, как светлая жидкость лениво переливается внутри стекла.

— Как ты думаешь, почему они едут в Эстерию? — спросил он негромко.

— Ты же знаешь причину, — отозвалась Аника, всё ещё копошась на полке.

— Я имею в виду настоящую причину, — не отступил Куинн. — Вот даже внешность инквизитору изменили...

Аника замерла на мгновение, затем медленно выпрямилась.

— Ты не должен был этого видеть, — сухо сказала она.

Куинн усмехнулся краешком губ.

— Я знаю... они напали на след убийцы Вильгельма.

— Как бы там ни было, нас это не касается, — произнесла Аника ровно. — Мы не участники их миссии и ничем не можем им помочь, как бы ни хотелось верить в обратное.

— Думаешь? — тихо переспросил Куинн.

Целительница не стала отвечать. Она вновь отвернулась к полке и на этот раз быстро нашла нужное: маленький флакон с прозрачным настоем. Подойдя ближе, она протянула его Куинну.

— Вот. Дай это леди Вивьен. Несколько капель под язык и она придёт в себя, — затем внимательно посмотрела на него. — Что с тобой? Ты сам не свой.

Лицо Куинна мгновенно преобразилось. Он легко улыбнулся, взял флакон и небрежно спрятал его в карман.

— Не обращай внимания, — отмахнулся шут. — Просто голову напекло.

С этими словами он поспешно направился к выходу и вскоре исчез за дверью. Аника осталась стоять на месте, провожая его взглядом. Брови её медленно сошлись к переносице.

«Напекло...» — подумала она.

До отплытия оставался всего час. Корабль «Дева Линуэль» уже стоял у причала, покачиваясь на тёмной воде. Высокие борта были свежо просмолены, канаты натянуты, паруса аккуратно сложены и закреплены, ожидая команды. Матросы сновали по палубе, проверяя крепления, подтягивая снасти, переговариваясь короткими, дежурными фразами. В воздухе смешались запахи соли, смолы и мокрого дерева.

Члены миссии постепенно разбрелись по своим каютам. Каждый искал несколько минут тишины перед тем, как море сомкнётся вокруг них на долгие дни. Эйдан проводил Ирис вниз, вглубь корабля, убедившись, что ей выделили достойное место. Каюта оказалась небольшой, но аккуратной: узкая кровать, крепко вмонтированная в стену, столик, закреплённый цепочкой и крошечное круглое окно, через которое пробивался приглушённый свет.

Эйдан молча прошёлся по помещению, внимательно осматривая всё вокруг. Проверил задвижку на двери, заглянул под стол, коснулся стены, будто оценивая толщину корпуса. Затем подошёл к кровати, надавил ладонью на матрас и хмыкнул:

— Довольно мягкий. Тебе должно быть удобно.

Ирис улыбнулась и подошла ближе. Она видела его напряжение. Оно всегда всплывало наружу, когда некромант понимал, что не может контролировать происходящее.

— Расслабься, — мягко произнесла она. — Всё с нами будет хорошо.

— Легко сказать, — тихо ответил Эйдан. — Вы будете в сотнях миль от меня. Самое отвратительное чувство — знать, что кто-то, кто тебе дорог, может оказаться в беде, а ты не сможешь ничего сделать, — он осторожно взял её за подбородок и приподнял, заставив посмот-

реть ему в глаза. — Я прошу, — сказал он уже тише. — Не лезьте на рожон. И ты... особенно ты. Не теряй голову.

— Хорошо, — просто ответила Ирис.

Она сделала шаг вперёд и прильнула к его губам. Поцелуй оказался довольно внезапным. Эйдан на мгновение чуть не потерял равновесие. Ирис запустила пальцы в его волосы, слегка сжимая их, притягивая его голову ближе, не оставляя ни миллиметра между ними. Эйдан, повинаясь инстинкту, перехватил инициативу. Его руки скользнули по ее спине, прижимая податливое тело к себе. Он чувствовал биение ее пульса, смешанное со стуком собственного сердца. Воздуха не хватало, но дышать и не хотелось — только чувствовать ее вкус, её пальцы, перебирающие пряди у него на затылке, и жар, разливающийся по венам.

Его тело слушало только её. Лишь когда в глазах потемнело от нахлынувшей волны желания, он нашел в себе силы разорвать поцелуй. Эйдан резко отстранился, тяжело дыша, лбом касаясь её лба. Весь его вид выражал внутреннюю борьбу — зрачки расширены, дыхание сбито, пальцы все ещё сжимают ткань её одежды, не в силах разжаться. Эйдан знал: еще секунда, и он уже не сможет её отпустить.

— Умеешь же ты выбирать момент, — тихо сказал он, без упрёка, с едва заметной улыбкой.

Снаружи протяжно протрубил рог, требовательно напоминая, что время вышло.

— Тебе нужно идти, — сказала она.

— Да... — выдохнул Эйдан.

Он развернулся и почти сразу вышел, не оглядываясь. Ирис закрыла за ним дверь, прильнула к ней спиной и медленно сползла вниз. Она прикрыла лицо руками. Сердце билось так сильно, что казалось, его слышно сквозь шум на палубе. Совсем скоро море унесёт её вперёд, туда, где её ждала Эстерия и, возможно, Каэрнос. Мысль о предстоящей встрече не давала покоя, сжимала изнутри, но она понимала: теперь пути назад нет.

Эйдан стоял на причале, чуть в стороне от суеты. Матросы уже отдали последние команды, канаты с глухим шорохом соскользнули с кнехтов, и корабль медленно отошёл от берега. Паруса поймали ветер, и корпус плавно развернулся, беря курс в открытое море.

Некромант достал трубку и неторопливо набил её табаком. Поджог, сделал несколько неглубоких затяжек, затем медленно вдохнул густой дым и задержал его в лёгких. Корабль удалялся, становясь всё меньше и дальше. Его тёмный силуэт чётко вырисовывался на фоне закатного неба, где солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая воду в медь и золото. Волны мягко расступались перед носом судна, пропуская его в путь.

— Береги себя... — едва слышно произнёс Эйдан в пустоту.

Глава 6

Алхимик

Зал советов в Аргенштайне в этот раз был отведён под Градостроительное собрание короны. После объявления культа Вечности Света вне закона, храмы были распущены в кратчайшие сроки. Их сокровищницы опечатали, архивы изъяли, земли перешли под монарший контроль. Часть владений уже ушла с молотка в пользу дворянства, но сами здания оставались нерешённым вопросом.

На круглом столе лежали планы храмов: одни аккуратно свернутые, другие разложенные так, что перекрывали друг друга. Красные пометки, угольные линии, заметки на полях ясно давали понять, что разговор шёл уже не первый час. Бывшие святилища Вечности Света теперь рассматривались совсем иначе, в основном, как заготовки под будущие магические академии. Эйдан стоял у стола, опершись ладонями о край, и смотрел на схему центрального храма в Аль-Драндире.

— Начнём с очевидного, — произнёс он. — Вся символика Вечности Света подлежит демонтажу.

Архитектор Арвел Монтек, седовласый мужчина с крючковатым носом, кивнул и ткнул пальцем в чертёж.

— Это возможно. Большая часть рельефов — накладные. Их можно снять, не ослабив несущие стены. С витражами сложнее: придётся менять оконные проёмы.

— Меняйте, — отрезал Эйдан.

Канцлер Тармон медленно прошёлся взглядом по бумагам.

— В центральных залах указаны плиты из рутена, — сказал он. — От них тоже следует избавиться.

Арвел нахмурился.

— Это трудоёмко. Рутен вмурован глубоко, особенно под алтарями. Но... — он чуть помедлил, — металл дорогой. После переплавки его можно использовать для защитных контуров академий.

— Хорошая идея, — согласился Эйдан. — Пусть то, чем глушили магию, теперь её защищает.

Тармон одобрительно кивнул:

— Символично.

Казначей Дарен Вёслам сделал пометку.

— Что делать с подземными залами? — спросил он. — Камеры покаяния, допросные...

— Засыпать или перестроить под хранилища, — сказал Эйдан без колебаний. — Ни один ученик не должен спускаться туда и чувствовать, что в этих стенах когда-то пытали таких, как они.

Арвел задумчиво постучал карандашом по столу.

— Если убрать алтарные возвышения и расширить боковые нефы, залы подойдут для лекций и практики.

— Добавьте балконы, — предложил Эйдан.

Архитектор одобрительно хмыкнул, а казначей Вёслам уже прикидывал в уме расходы, водя пальцем по краю стола. В этот момент обсуждение прервал осторожный стук в дверь.

— Войдите, — бросил Эйдан, выпрямляясь.

Дверь приоткрылась, и в зал шагнул сухопарый мужчина в тёмном камзоле. Он остановился у порога, склонился в почтительном поклоне и заговорил ровным, отработанным тоном:

— Ваше Высочество, прошу прощения за вмешательство. К вам прибыл некий алхимик из Эстерии. Говорит, что явился по вашему личному запросу.

Эйдан на мгновение замер, а затем на его лице появилась одобрительная улыбка.

— Прекрасные новости, — произнёс он. — Сопроводите нашего гостя в мой кабинет и передайте, что я подойду к нему, как только освобожусь.

Мужчина снова поклонился и тихо исчез за дверью. Эйдан же вернулся к столу, но в его взгляде уже читалось нетерпение от долгожданной встречи.

Совет завершился вскоре после этого, и Эйдан, не задерживаясь на обычные формальности, направился к своему кабинету. Ещё пару недель назад он отправил личный запрос в Эстерийскую академию алхимических искусств — старейшее и самое авторитетное заведение Далера. Там преподавал его давний знакомый, Карган Элрой, алхимик с огромным опытом за плечами. В его мастерстве Эйдан не сомневался ни на мгновение: Карган умел не только варить зелья, но и объяснять сложное простыми словами. Такой наставник был бы идеален для Луизы.

Распахнув дверь кабинета, Эйдан уже приготовился увидеть знакомую сгорбленную фигуру, но вместо этого замер на пороге. У книжных полок стоял молодой мужчина и с явным любопытством рассматривал корешки томов. Взъерошенные каштановые волосы торчали в разные стороны, видимо, их хозяин постоянно запускал в них пальцы. Одет он был просто: тёмная льняная рубашка без вышивки, кожаный жилет, потёртые штаны и дорожные сапоги. Кожа его была светлой, с лёгким розоватым оттенком.

Эйдан приподнял бровь и холодно спросил:

— Ты кто такой?

Парень вздрогнул, словно его поймали за чем-то запретным. Он поспешно выпрямился, пригладил волосы ладонью и неловко поклонился.

— Ох... Ваше Высочество, — проговорил он, чуть сбившись с дыхания. — Меня зовут Декарт... Декарт Дакс. Я буду обучать королеву Луизу основам алхимии.

Эйдан медленно остановился, затем покачал головой и прошёл глубже в кабинет, стараясь выиграть пару секунд, чтобы осмыслить услышанное.

— Я ничего не понял, — произнёс он наконец. — Я отправлял запрос на другого человека.

— Вам не сообщили? — Декарт искренне растерялся. — Карган Элрой скончался... уже около пяти лет назад.

Эйдан резко обернулся.

— Скончался? — в его голосе мелькнуло недоверие. — Но от чего?

— От старости, — спокойно ответил алхимик. — Ему было уже за восемьдесят.

— Ясно... — глухо отозвался Эйдан и отвернулся к окну, устремив свой взгляд вдаль.

Декарт некоторое время стоял молча, затем осторожно приблизился и протянул смятый конверт.

— Что это? — не оборачиваясь, спросил Эйдан.

— Рекомендации, — ответил Декарт. — От коллег из академии.

Эйдан медленно повернулся. Взгляд его стал цепким, оценивающим. Он внимательно оглядел алхимика.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать девять, — без колебаний ответил тот.

— Слишком молод, — отрезал Эйдан. — В Эстерийской академии алхимических искусств к преподаванию допускают только после сорока.

Декарт заметно смутился, но не отвёл взгляда. Он выпрямился, собираясь с духом.

— Я знаю это правило, — сказал он тихо. — Но Карган Элрой был моим наставником. Его последним решением было оставить меня в Академии и передать мне часть своих курсов. Совет согласился, так как они оценили мои результаты. Вы должны понимать, что алхимия

— искусство терпения и ясного ума, — он взглянул прямо на Эйдана. — Я осознаю, какую ответственность вы на меня возлагаете. И если сочтёте нужным, я докажу, что этот выбор не был ошибкой.

Эйдан задержал на нём взгляд, а затем медленно кивнул.

— По-хорошему, тебя следовало бы отправить обратно в Эстерию, — произнёс он ровно. — Но из уважения к Каргану я дам тебе один шанс.

— Спасибо, — радостно выдохнул Декарт.

— Идём, — коротко бросил Эйдан.

Они вышли из кабинета и через несколько коридоров оказались у дверей алхимической лаборатории. Помещение было залито мягким дневным светом: высокие окна выходили во внутренний двор, отражая зелень. Аккуратные стеллажи с подписанными склянками, медные реторты, стеклянные колбы и идеально вычищенные столы говорили о строгом порядке. Эйдан прошёл внутрь и сел на край стола, закинул ногу на ногу, неторопливо достал трубку и набил её табаком. Огонёк вспыхнул, и в воздухе повис терпкий дым.

— Кабинет на полчаса в твоём распоряжении, — произнёс он, выдыхая белое облако в сторону окна. — Я не намерен тратить время Её Величества впустую, — он скосил взгляд на Декарта. — Хочешь обучать королеву — сначала удиви меня.

Эйдан затянулся ещё раз и лениво добавил:

— Начинай.

Декарт не стал терять ни минуты. Он медленно прошёлся вдоль стола, скользя взглядом по аккуратно разложенным ингредиентам, приподнимая крышки, чтобы уловить запах. Его движения были спокойными и уверенными.

— Её Величество уже практиковалась в алхимии? — между делом поинтересовался он, беря в руки узкую колбу с янтарной жидкостью и подставляя её к свету.

Эйдан выпустил дым и усмехнулся уголком губ.

— Ну как сказать... — протянул он многозначительно. — У неё хорошие зачатки начинающего алхимика. Есть тонкое чутьё к этому ремеслу, остаётся лишь правильно его раскрыть.

— Хорошо, — Декарт кивнул и мягко улыбнулся. — Я это учту.

Он аккуратно поставил колбу на место, взял другую с прозрачной, почти бесцветной субстанцией и перелил часть содержимого в тонкий стеклянный сосуд. Жидкость текла ровной струёй, не оставляя осадка.

Эйдан всё это время молча наблюдал. Его взгляд был цепким, оценивающим. Наконец он сощурился и сказал:

— У тебя нет эстерийского акцента. Откуда ты?

Декарт на мгновение замер, но лишь затем, чтобы точнее выверить движение. Он взял третью колбу, добавил несколько капель к уже смешанному раствору и только после этого ответил:

— Мои родители бежали из Кадере в Эстерию, — сказал он спокойно. — Отец был магом. К тому же он открыто выступал против политики Вильгельма. Оставаться здесь означало рано или поздно оказаться на плахе или в подземельях. В Эстерии у него хотя бы был шанс.

Он осторожно покачал сосуд, наблюдая, как жидкость внутри меняет оттенок, становясь чуть более плотной, с мягким серебристым отблеском.

— Так что язык и привычки у меня сохранились, — добавил Декарт.

Эйдан ничего не ответил, лишь затянулся чуть глубже. Его взгляд снова вернулся к колбе в руках алхимика.

— Не забывай говорить, что ты делаешь, — напомнил он, стряхнув пепел в блюдце. — И главное — зачем.

Декарт коротко кивнул и поставил колбу на подставку.

— Я собираю нейтральный эликсир ясности. Его используют на начальных этапах обучения. Он выравнивает восприятие и концентрацию человека. — Алхимик взял прозрачную колбу с бесцветной жидкостью. — Это спиртовая основа с настоем мирры. Она стабилизирует состав и делает эликсир безопасным даже для неопытных. Без неё любое зелье ясности может дать обратный эффект — рассеянность или головную боль, — Декарт добавил несколько капель тёмно-зелёной настойки. — Лист талиссы. Он усиливает внимание и помогает удерживать мысль. Я добавляю его сейчас, чтобы он сразу же «вплёлся» в основу.

Содержимое внутри медленно помутнело.

— Дальше идёт вытяжка из корня белого аспера, — продолжил алхимик. — Она связывает компоненты и делает действие ровным. Без неё эликсир был бы резким и работал нестабильно, — Декарт осторожно покрутил колбу, бросив короткий взгляд на Эйдана. — Готово. Именно с таких вещей я бы начал обучение Её Величества. А уже после постепенно переходил бы к более сложным формулам. Например, к многоступенчатым эликсирам памяти или к трансмутационным растворам, где важно не только точное соотношение ингредиентов, но и момент их соединения.

Эйдан медленно кивнул. Он подошёл ближе, взял колбу, приподнял её к свету, затем осторожно поднёс к носу. Запах был мягким, чистым, без резких примесей — таким, каким и должен быть у правильно смешанного зелья.

— Неплохо, — признал он после паузы. — Зелье получилось добротное, — некромант вернул колбу на стол и посмотрел на Декарта уже без прежнего скепсиса. — Ты, конечно, меня не удивил, но, если честно, я и не ждал чуда.

Алхимик едва заметно улыбнулся.

— Я допущу тебя к первому занятию с королевой, — продолжил Эйдан. — А дальше уже посмотрим.

Декарт выпрямился и слегка поклонился.

— Благодарю за доверие. Когда мы начинаем? — спросил он, уже увереннее.

— Тебе сообщат, — коротко ответил Эйдан.

Погода в море стояла на редкость благосклонная: ровный ветер наполнял паруса, вода мерцала под утренним солнцем, а корабль шёл мягко, без резкой качки. Но ночь для Ирис всё равно выдалась беспокойной. Сон был рваным и тяжёлым. Она проснулась уже уставшей, с глухой болью в висках и странным ощущением нехватки воздуха, словно грудь сжимало невидимым обручем.

Ирис накинула плащ и вышла на палубу, надеясь, что свежий морской воздух приведёт её в чувство. Солнце уже поднялось достаточно высоко. Палуба была залита тёплым светом. У одного из столов, закреплённых у борта, сидел Сандер и играл в кости с капитаном корабля. Кости глухо стучали о дерево, а между бросками мужчины обменивались короткими репликами и редкими усмешками.

Капитан был мужчиной лет сорока: крепкий, жилистый, с обветренным лицом и загорелой кожей. Его тёмные волосы уже тронула седина у висков, а густые усы были аккуратно подстрижены. На нём был добротный морской кафтан тёмно-синего цвета, подпоясанный кожаным ремнём, и высокие сапоги.

Заметив Ирис, Сандер тут же поднялся и помахал ей рукой.

— Генриетта, — окликнул он с лёгкой улыбкой. — Ты, кажется, ещё не успела познакомиться с нашим капитаном.

Тот отложил кости, встал и учтиво поклонился.

— Доброе утро, миледи, — произнёс он мягким, чуть хриловатым голосом. — Капитан Розн Мальвар. Как вам спалось?

— Прекрасно, — слукавила Ирис, ответив вежливой улыбкой.

Она опустила на скамью рядом с ними, позволяя солнцу согреть лицо. Кости снова упали на стол, но игра уже отошла на второй план. Неподальку, на носу корабля, стоял Лиран. Он что-то бурно обсуждал с молодым юнгой. Лиран активно жестикулировал, указывая то на снасти, то на горизонт, а юнга слушал его с таким вниманием, будто перед ним открывали тайны мироздания. Ирис бросила на них короткий взгляд и невольно усмехнулась, после чего снова повернулась к столу.

— Давно вы бороздите морские просторы? — поинтересовалась она, обращаясь к капитану.

— С рождения, миледи. Для меня море — единственный истинный дом. Я научился завязывать морской узел раньше, чем читать. Но в последнее время... — он замялся, медленно перекатывая кость между пальцами, — в моём доме творится что-то неладное.

Ирис нахмурилась.

— О чём вы?

— Корабли всё чаще находят разбитыми, словно кто-то раздавил корпуса силой. И что самое странное... — он сделал паузу, — рядом не находят ни одного члена команды. Ни тел. Ничего.

Сандер скептически приподнял бровь.

— Вы хотите сказать, что десятки людей просто исчезают? — сухо уточнил он. — Простите, капитан, но это звучит как байки для суеверных матросов.

Ирис скрестила руки на груди.

— Вы намекаете, что в этих водах поселилось какое-то чудовище?

Сандер хмыкнул.

— Мне кажется, вы всё—таки приукрашиваете, — сказал он. — Торговые пути перегружены, корабли старые, а команды не всегда набираются опытные. Не нужно оправдывать катастрофу монстром из глубин.

Капитан Мальвар выпрямился и посмотрел на него с плохо скрытым раздражением.

— Я бы попросил, коннетабль, — произнёс он сдержанно. — Я вожу корабли больше тридцати лет. Я видел, как море убивает. Я знаю, как выглядят следы шторма и пиратского абордажа. То, о чём я говорю — иное, — он снова посмотрел на Ирис. — Я не утверждаю, что это чудовище, миледи. Но и списывать всё на случайность — значит закрывать глаза. Море всегда предупреждает, когда в нём что-то меняется. И сейчас оно... беспокойно.

От слов капитана у Ирис ещё сильнее разболелась голова. Виски неприятно сдавило. Она на мгновение прикрыла глаза, делая медленный вдох. Сандер заметил это сразу. Он поднялся, отодвинув стул.

— От ваших слов миледи сделалось дурно, — укоризненно произнёс он, бросив на капитана короткий взгляд. — Пойдём, пройдемся, — предложил он ей.

Ирис не стала возражать. Они отошли от стола и медленно направились вдоль правого борта. Доски под ногами тихо поскрипывали, море мерно плескалось о корпус. Свежий ветер немного прояснил голову. Ирис выдохнула и повернулась к Сандеру. Её взгляд невольно зацепился за медальон на его шее — аккуратный, поплёскивающий в солнечном свете.

— Красивый, — тихо заметила она.

Сандер опустил взгляд и мягко улыбнулся.

— Да. Аника подарила, — сказал он. — Внутри прядь её волос на удачу. У неё такой же... только с моими.

— Вы давно вместе? — поинтересовалась Ирис.

— Пошёл второй год, — ответил он после короткой паузы. — Думаю, как вернусь с миссии, женюсь на ней.

— Хорошая мысль, — улыбнулась Ирис. — А как вы познакомились? Дай угадаю... она залечивала твои раны?

Сандер тихо усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. Его взгляд стал тяжелее.

— Семь лет назад, во время осады столицы, когда вспыхнуло восстание дома Ростенма-ров. Я был женат... мою жену звали Хелена. У нас была дочь, Ребекка, — он замолчал, стиснув челюсть, слова давались с усилием. — Когда мятежники прорвались к нижним кварталам, я был на стенах. Взрывной снаряд разнёс часть бастиона... меня контузило и я впал в кому, — Сандер медленно выдохнул. — Когда я очнулся, столица уже была отбита, но Хелена с Ребек-кой... не пережили осады.

Сердце Ирис болезненно сжалось. Она хорошо понимала эту пустоту — ту, что остаётся, когда мир рушится, а ты продолжаешь жить дальше.

— Мне очень жаль, — тихо произнесла она.

Сандер кивнул, принимая сочувствие, и продолжил:

— После восстания Вильгельм распорядился собрать новых лекарей. Среди них была Аника. Она и выходила меня. По сути, спасла жизнь, — он усмехнулся едва заметно. — Я долго не мог прийти в себя. Жил... плывя по течению. И только недавно начал по-настоящему воз-вращаться в строй, — он посмотрел на море, затем на Ирис. — Иногда, чтобы снова научиться жить, нужен кто-то, кто просто не даст тебе умереть. Даже если ты сам этого хочешь.

— Действительно... — задумчиво произнесла она, глядя на линию горизонта.

Со стороны внезапно донёсся резкий, раздражённый голос, выбивающийся из размерен-ного шума моря.

— Ты что тут возишься?! — рявкнул один из матросов. — Я тебе что сказал? Палубу мыть, а не размазывать грязь! Смотри, разводы остались.

Ирис машинально повернула голову на звук и застыла. Матрос, которого отчитывали, стоял, сжимая швабру, с невозмутимым видом. Рыжие взъерошенные волосы выбивались из-под платка, на лице застыла знакомая ухмылка Куинна. Он что-то шутливо говорил в ответ, явно пытаясь оправдаться, но выходило у него плохо.

— Какого... — вырвалось у Ирис.

Сандер проследил за её взглядом, прищурился и в следующий миг тихо, с чувством выру-гался себе под нос.

— Что он здесь делает? — спросил он, не скрывая растерянности.

— Не знаю, — проворчала она, — но, клянусь, я сейчас лично выброшу его за борт.

В этот момент Куинн, словно почувствовав на себе взгляд, поднял голову. Заметив их, он широко улыбнулся и махнул рукой, будто всё происходящее было самой естественной вещью на свете. Это лишь усилило желание Ирис выполнить обещанное немедленно.

— Леди Генриетта! — бодро окликнул Куинн, уже шагая к ним, вытирая руки о штаны. — Какая приятная встреча. А я тут, знаете ли, решил заранее подзаработать себе на пенсию. Труд облагораживает, так сказать...

— Что ты здесь забыл? — процедила Ирис, с трудом удерживая голос ровным. — Ты вообще понимаешь, какая у нас миссия? Я не собираюсь быть твоей нянькой.

— О чём вы, госпожа? — Куинн расплылся в самой невинной улыбке. — Я всего лишь честный труженик моря. Моё оружие — швабра, мой враг — грязная палуба.

— Я тебя сейчас... — Ирис шагнула вперёд, но договорить не смогла.

Её лицо побледнело. К горлу подступила резкая, холодная волна. Ирис развернулась, сорвалась с места и почти врезалась в борт. Сжав пальцами перила, она наклонилась, и её вырвало, оставляя лишь горький привкус во рту. Когда всё закончилось, она ещё несколько секунд стояла, тяжело дыша, чувствуя, как дрожат колени. Затем медленно опустила вниз, опираясь спиной о борт, и обессиленно подняла голову.

— Генриетта, — Сандер оказался рядом почти сразу. В его голосе прозвучала неподдель-ная тревога. — Что с тобой?

— А разве не ясно? — вмешался Куинн.

Он подошёл к ней и сел на корточки, склонив голову набок, с неожиданно серьёзным выражением лица.

— У нашей отважной леди классическая морская болезнь.

Вечер медленно сменяла ночь. За окнами сгущались сумерки, и огни столицы один за другим зажигались, освещая центральную площадь и городские улочки. В кабинете Вильгельма горели лишь несколько свечей, их мягкий свет ложился на стол, заваленный свитками, письмами и записями, оставшимися от прошлого правителя. Луиза задумчиво сидела за документами. Тихий скрип двери нарушил сосредоточенную тишину.

— Время позднее, — сказал Эйдан, входя и прикрывая за собой дверь. — Тебе стоит отдохнуть.

— Не могу, — не отрывая взгляда от свитков, ответила она. — Работы слишком много, и со всем нужно разобраться.

Луиза перелистнула ещё один документ и, помедлив, добавила:

— Пришло письмо из Фирана. Леонард отправляет к нам новую делегацию. Они хотят сами разобраться, что именно произошло с его братом. Как мы и предполагали... они не поверили в нашу историю.

Эйдан медленно подошёл ближе.

— И когда они прибудут? — спросил он, усаживаясь в соседнее кресло.

— В конце недели.

— Хорошо. Они всё равно ничего не найдут, — Эйдан откинулся в кресле, сцепив пальцы перед собой. — Генриетта, ко всему прочему, поработала и со стражниками, которые стали свидетелями случившегося. В итоге всю правду знают только она, Сандер, Аника и канцлер Тармон, — он чуть склонил голову. — Но в их верности я не сомневаюсь.

Луиза подняла на него взгляд и медленно кивнула.

— И я не сомневаюсь, — её внимание на мгновение скользнуло к жалованной грамоте, лежавшей отдельно от остальных бумаг. — Ты не видел Куинна?

— Нет, — Эйдан пожал плечами. — Скорее всего, бродит где-нибудь в поисках вдохновения.

— Ну да... — задумчиво протянула Луиза.

— Я тут подумал, — продолжил Эйдан после короткой паузы. — Тебе явно не хватает чего-то, что помогло бы отвлечься от государственных дел. Поэтому, как и обещал ранее, я нашёл для тебя хорошего учителя алхимии. Твой талант нельзя оставлять без внимания.

Луиза вскинула брови и посмотрела на него с искренним удивлением.

— Талант? — усмехнулась она. — Даже не знаю... у меня и без того голова гудит. А тут ещё алхимия.

— Сходи всего на одно занятие, — спокойно предложил Эйдан. — Если окажется скучно и занудно — забудем об этой идее. Но, поверь, алхимия куда более увлекательная наука, чем кажется с первого взгляда.

Луиза откинулась на спинку кресла, положила ладони на живот и лучезарно улыбнулась.

— Ты чего? — спросил Эйдан с лёгким недоумением.

— Мне приятно, что ты заботаешься обо мне, — тихо сказала она. — Спасибо.

Эйдан на мгновение задумался, подбирая слова, и ответил ровным, почти сухим тоном:

— Я всё-таки твой муж. И к тому же ты теперь королева, от твоего состояния зависит множество государственных...

Он не успел закончить. Улыбка на лице Луизы дрогнула и погасла, а взгляд потемнел. Она медленно поднялась с кресла, в её движении уже не было прежней мягкости.

— Я поняла, — произнесла она глухо. — Мог просто не отвечать.

Луиза направилась к выходу. У двери она остановилась лишь на миг и, не оборачиваясь, сказала:

— Доброй ночи.

Стража закрыла за ней дверь. Эйдан ещё некоторое время смотрел ей вслед, затем неловко почесал затылок, явно не понимая, что именно сказал не так.

Лунный свет проникал в окно каюты, ложась бледной полосой на край кровати. Ирис лежала, не двигаясь, чувствуя, как корабль покачивается на волнах. За весь день ей так и не удалось толком поесть — желудок сжимался при одной мысли о пище, а в висках пульсировала тупая боль. У небольшого столика возился корабельный лекарь. Он тихо звякал стеклом, перебирая флаконы в своём потёртом переносном ящике, пока наконец не выудил узкую, покрытую пылью колбу с мутным настоем. Подойдя ближе, он протянул её Ирис.

— Выпейте. Это должно помочь.

— Что это? — без сил выдохнула она, приподняв голову. — Насколько мне известно, от морской болезни нет лекарства. Остаётся только терпеть.

— Можете терпеть, — отстранённо ответил лекарь. — А можете выпить моё средство. Шансы, что станет легче, всё же выше, чем если вообще ничего не делать.

Он помедлил, затем, словно вспомнив нечто важное, полез за пазуху и достал золотой донум.

— И ещё, — добавил он, протягивая монету. — Положите её под подушку. На корабле верят, что золото помогает при вашем недуге. Суеверие, конечно... но почему бы не попробовать. Только потом верните, — с лёгкой улыбкой сказал он.

Ирис приняла монету и с явным скептицизмом посмотрела на лекаря. Он коротко поклонился и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Она приподнялась и осторожно поднесла колбу к губам. Отвар оказался горьким, с привкусом соли и трав, от которых сводило язык. Ирис поморщилась, но всё же выпила до конца, затем сунула монету под подушку и откинулась назад.

Она слабо усмехнулась, глядя в потолок, и выдохнула почти шёпотом:

— Надеюсь, после этого отвара я доживу до утра...

Надежда оказалась преждевременной. Прошёл почти час. Качка будто усилилась, хотя море оставалось таким же спокойным. Тошнота накатила внезапно и яростно, скрутив нутро. Ирис едва успела потянуться к ведру, стоявшему рядом с кроватью. Желудок, и без того пустой, болезненно сжался. Она закашлялась, прижав ладонь ко рту, в глазах потемнело.

В этот момент в дверь тихо постучали.

— Зайдите... позже, — выдавила она, не поднимая головы.

Но просьба осталась без внимания. Дверь всё же приоткрылась, и в проёме показалась знакомая фигура Куинна.

— Что тебе нужно... да ещё и в такое время? — устало спросила Ирис, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Я хочу помочь, — спокойно ответил Куинн.

— И чем же? — процедила она сквозь зубы.

Он вошёл в каюту, и только тогда она заметила, что в руках у него была мандолина. Ирис медленно приподняла голову.

— Ты издеваешься? — хрипло спросила она. — Решил мне спеть?

Куинн в ответ не бросил привычной колкости. Он сел рядом с её кроватью и тихо сказал:

— Просто расслабься и закрой глаза.

Его серьёзность удивила. У Ирис не осталось сил спорить. Она перевернулась на живот, уткнувшись щекой в подушку, и прикрыла глаза. Пальцы Куинна коснулись струн. Музыка полилась негромко, глубокая и тягучая. В ней не было веселья, но и печаль не была явной. Это

были переживания, чужие и непонятные, но почему—то откликающиеся где-то внутри неё. Звуки мягко накатывали, как волны, убаюкивая:

— Я шёл по малиновым рощам с тобою,
Забыв о бескрайних морях и битвах,
Покуда твой звонкий смех был со мною,
Мне звон его заменял молитву.
Но время ушло, оставив лишь тень,
Бессонные ночи несносных недель,
В чужой стране мечтаю о сне,
Чтоб снова прожить с тобой этот день.
Потеряв себя, я искал тебя
И нагнал твой след, но зима близка,
И пошла пурга, замела метель,
Забрала твой смех, забрала мой свет.
Скакал я по шёпоту ветра и вою,
Где чёрные вороны мерина гонят,
Далёких краёв, где немерено горя,
Чтобы снова проснуться в объятьях с тобою.

Тело Ирис отозвалось раньше разума. Напряжение начало уходить, дыхание стало ровнее. Тошнота, ещё недавно нестерпимая, постепенно ослабла, будто отступила под напором мелодии. Впервые за долгие часы она почувствовала облегчение. Ирис открыла глаза и приподнялась, обескураженно посмотрев на Куинна.

— Как ты это сделал? — тихо спросила она. — У тебя... зачарованная мандолина?

— Если бы, — усмехнулся он, наконец позволив себе привычную тень иронии. — Я не впервые сталкиваюсь с морской болезнью. Года три назад Вильгельм ездил в Фиран. Генриетта сопровождала его, и он взял меня с собой для веселья. По пути ей стало плохо, я попробовал сыграть... и мы оба заметили, что музыка помогает.

Ирис опустила взгляд, пальцы сжали край одеяла.

— Странное чувство... — глухо произнесла она. — Осознавать, что это тело ты знаешь лучше, чем я.

— У тебя ещё всё впереди, — мягко улыбнулся Куинн.

Ирис медленно подняла глаза и пристально посмотрела на него.

— Не понимаю, что тебя заставило поехать с нами.

Он пожал плечами, чуть помедлив с ответом.

— И я не знаю... Просто почувствовал, что мне нужно быть в Эстерии.

— Хочешь отомстить за отца? — спросила она прямо.

— Хочу, — без колебаний ответил Куинн. — Но я понимаю, что моих сил вряд ли хватит на это.

— Верно понимаешь, — глухо сказала Ирис. — С тем, с чем нам придётся столкнуться, ты прежде не видел даже в самых смелых фантазиях.

— Я могу быть вам полезен, — спокойно произнёс он.

Ирис приподняла одну бровь:

— Неужели?

— Я умею быть незаметным, если захочу, — усмехнулся Куинн. — Всё—таки мне как-то удалось пробраться к вам на корабль, — он чуть наклонился вперёд. — Я актёр. Весь мир для меня театр. Я привык играть роли, сливаться с окружением, подмечать детали. Меня редко

воспринимают всерьёз, а это иногда большое преимущество. Из меня выйдет неплохой шпион, если понадобится.

Ирис усмехнулась, на этот раз без раздражения.

— Посмотрим, на что ты можешь стодиться.

Куинн помолчал, затем сказал тише, осторожнее:

— Ты так изменилась... Неужели вспомнила что-то о себе?

— Я вспомнила всё, — глухо ответила она.

— И что же? — оживился он, наклоняясь ближе. — Почему именно тебя воскресил Эйдан?

— Это долгая история, — сказала Ирис уже почти шёпотом. — Я слишком устала, чтобы рассказывать её сейчас. Как-нибудь в другой раз.

Её голос затих — глаза закрывались сами собой. Лунный свет мягко ложился на черты лица, делая их спокойными и беззащитными. Куинна пробрала дрожь — в этом мгновении она была слишком похожа на Генриетту. Тоска болезненно сжала грудь, и он, не отдавая себе отчёта, потянулся кончиками пальцев к её щеке.

Ирис приоткрыла веки.

— Я, конечно, благодарна тебе, — сурово произнесла она, — но не до такой степени.

Куинн тут же отпрянул. Образ Генриетты рассыпался, оставив только тяжёлое чувство неловкости.

— Извини, — тихо сказал он. — Спи спокойно. Я ухожу.

На следующий день ближе к вечеру в алхимическом кабинете Аргенштайна царила тёплая, камерная тишина. Солнце клонилось к закату, и лучи ложились на столы под углом. Воздух был чистым, с лёгкой горчинкой трав. Декарт ходил от стола к столу, хотя необходимости в этом не было. Всё уже было расставлено и вычищено до блеска. И всё же он снова и снова поправлял флаконы, выравнивал края пергаментов, проверял, ровно ли стоят весы. Неподалёку, устроившись на стуле у стены, сидел Эйдан. Он держал в руках книгу в тёмном кожаном переплёте. Временами взгляд некроманта отрывался от строк и скользил к молодому алхимику.

— Его Величество скоро подойдёт, — сказал Эйдан, не поднимая головы, и закрыл книгу, положив её на столик. — Не волнуйся так. Она не кусается.

Декарт вздрогнул, словно его застали врасплох, и на мгновение смутился.

— Я... — он провёл ладонью по столешнице, затем остановился и выпрямился. — Не хочу произвести плохое впечатление.

Эйдан усмехнулся и чуть повернул к нему голову.

— Ты никогда прежде не учил знатных персон?

Декарт на мгновение задумался, затем покачал головой.

— Такой высоты — никогда.

— За всю свою жизнь я не встречал более доброго и трепетного человека, чем Луиза, — произнёс Эйдан. — Если ты боишься, что занятие ей не понравится и она прикажет тебя казнить, то это не так. Она не из тех монархов, кто путает власть со вседозволенностью.

Декарт невольно улыбнулся, напряжение в плечах заметно ослабло.

— Повезло вам с ней, — искренне сказал он.

Эйдан ничего не ответил. Он лишь отвёл взгляд к окну, не желая продолжать тему. В этот момент дверь в кабинет тихо отворилась. Луиза вошла в сопровождении стражников, которые остались стоять у входа. На ней было светлое платье из мягкой ткани цвета тёплого молока, с завышенной талией и свободными рукавами. Оно не стесняло движений и подчёркивало её положение. Волосы были собраны в пышный пучок на затылке. Эйдан сразу поднялся и шагнул ей навстречу.

— Луиза, — произнёс он мягко. — Позволь представить тебе твоего наставника. Декарт Дакс, алхимик из Эстерии.

Декарт поспешно поклонился. Вблизи королева произвела на него куда более сильное впечатление, чем он ожидал.

— Ваше Величество, — произнёс он с уважением.

Луиза внимательно посмотрела на него, затем ободряюще улыбнулась.

— Рада знакомству, мастер Декарт, — сказала она. — Надеюсь, я окажусь способной ученицей.

— Уверен, что так и будет, — сказал он. — Что ж, прошу.

Луиза подошла ближе. Её взгляд сразу зацепился за ингредиенты расставленные на столе. Она рассматривала всё внимательно, с неподдельным интересом.

— С чего мы начнём? — поинтересовалась она.

— Предлагаю сразу приступить к небольшому опыту, — сказал он. — Ничего сложного. Мы создадим реагент отклика, который меняет цвет и плотность в зависимости от эмоционального состояния того, кто его держит. Обычно такую жидкость вливают в небольшую украшенную ёмкость и носят на шее. Она служит своеобразным индикатором внутреннего состояния владельца.

Глаза Луизы загорелись интересом.

— Звучит... необычно, — сказала она и улыбнулась. — Я готова.

Эйдан тем временем снова занял место на стуле у стены. Он устроился поудобнее, скрестив руки на груди, и молча наблюдал, не вмешиваясь. Декарт уверенно взял инициативу в свои руки. Волнение исчезло почти сразу. Он говорил всё свободнее, позволяя себе короткие шуточные замечания, сравнивал алхимию с музыкой и кулинарией, объясняя сложные вещи простыми словами. Луиза смеялась, увлечённо повторяла движения и явно забывала о времени. Она задавала вопросы, иногда переспрашивала и быстро схватывала суть. Когда реагент в её руках начал медленно менять оттенок, переходя от прозрачного к мягко-голубоватому, она не смогла скрыть восторга.

— Что означает этот оттенок? — спросила Луиза, внимательно всматриваясь в жидкость.

— Расслабленность и внутреннее равновесие, — ответил Декарт. — Если бы вы испытывали тревогу, он потемнел бы, уходя в серо-зелёные тона. Романтическое настроение окрашивает состав в тёплый розово-перламутровый оттенок. Страсть делает цвет насыщенным, густо-алым, иногда с золотыми всполохами. Гнев даёт резкий багровый цвет с тёмными прожилками.

Декарт открыл нижнюю тумбочку стола, достал небольшой флакончик с тонким горлышком и аккуратно перелил туда приготовленный Луизой реагент. Затем взял сосуд в руку. Жидкость почти сразу стала холодного фиолетово-синего тона, плотного и чистого.

— А что означает этот оттенок? — поинтересовалась Луиза, с интересом переводя взгляд с флакона на алхимика.

— Сильную сосредоточенность, — с улыбкой ответил Декарт.

В стороне Эйдан сдержанно сжал губы. Он знал: такой цвет мог означать только глубокую печаль.

В это время Декарт протянул флакон Луизе.

— Поздравляю с вашим первым удачно приготовленным реагентом. Это вам на память.

Луиза приняла его, глядя на тут же поменявшую оттенок жидкость. Только сейчас она заметила, что за окнами давно стемнело, а в кабинете горят свечи. Несколько часов пролетели незаметно.

Она подняла на Декарта взгляд и сказала без тени официальности:

— За всю свою жизнь я не помню занятия интереснее.

Декарт улыбнулся и склонился в почтительном поклоне.

— Мне очень приятно слышать такие слова.

— Я, пожалуй, вас оставлю. Мне нужно ещё закончить пару важных дел. Буду с нетерпением ждать следующего занятия. Доброй ночи.

Луиза тепло улыбнулась и направилась к выходу.

— Доброй ночи, — сказал Декарт ей вслед.

Когда дверь за ней закрылась, в кабинете воцарилась спокойная тишина. Эйдан поднялся со своего места и подошёл к Декарту. Он похлопал алхимика по плечу. На его лице появилась откровенно довольная улыбка.

— Молодец. Хороший вышел урок. Поздравляю. С этого дня ты можешь считать себя учителем алхимии Её Величества.

Действие обратного зелья полностью прекратилось на четвертый день. Лиран почувствовал это сразу. Кости больше не ныли от внутреннего напряжения, кожа перестала зудеть, черты лица вернулись на свои места. Он ждал этого несколько дней, терпеливо отсчитывая время, лишь бы хоть на короткое мгновение снова побыть собой. Лиран вышел на палубу, выбрав самый глухой и неприметный уголок, куда редко заглядывали матросы. Там стояли пустые бочки. Он сел на одну из них, упёрся локтями в колени и уставился в тёмную водную гладь.

— Что ты здесь делаешь, да ещё и в таком виде?

Лиран вздрогнул и резко обернулся. В тени, у борта, сидела Ирис. Бледная, с осунувшимся лицом, она прожигала его взглядом, ожидая ответа.

— А ты чего тут прячешься? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Тут свежо, — ответила она спокойно, — и меня здесь никто не беспокоит.

Он хмыкнул и чуть наклонил голову.

— Хочешь подраться за этот блаженный закуток?

— А ты осилишь? — усмехнулась она, прищурившись.

— Ну, смотря на твоё позеленевшее личико — вполне, — отозвался Лиран с кривой улыбкой.

Ирис усмешку не поддержала. Она выпрямилась, взгляд стал серьёзнее.

— Ты мне не ответил, почему не выпил обратное зелье. Мы не можем доверять матросам этого судна.

— Я осторожен, — раздражённо ответил он. — Меня никто не видел.

— Я тебя видела, — спокойно возразила Ирис. — А это значит, что мог видеть кто-то другой.

Лиран отвёл взгляд обратно к морю. Волны мерно катились, отражая полуденное солнце. Он некоторое время молчал, и когда наконец заговорил, его голос утратил прежнюю колкость и стал серьёзным.

— У меня больше ничего нет. Всё забрали, — тихо сказал он. — А теперь ещё и лицо. Не знаю, сколько придётся ходить с чужими чертами, притворяясь кем-то другим, — он сжал пальцы, упершись ими в край бочки. — Я просто хочу насладиться этим последним моментом... прежде чем снова *исчезнуть*. Хотя... — Лиран чуть усмехнулся. — Разве ты можешь меня понять?

— Могу, — глухо ответила Ирис.

Эти слова прозвучали неожиданно даже для неё самой. Ирис никогда бы не подумала, что у неё найдётся хоть что-то общее с Лираном Керром — бывшим инквизитором, человеком, чьё имя ещё недавно вызывало у неё одно лишь отвращение. И всё же сейчас между ними пролежала странная, горькая точка соприкосновения.

Она помолчала, затем произнесла уже спокойнее:

— Хорошо. Посиди здесь ещё немного. Но это первый и последний раз. Если я увижу тебя таким снова — последствия ты знаешь.

Лиран удивлённо вскинул брови и повернулся к ней.

— Если честно, не думал, что ты согласишься, — сказал он после короткой паузы. — Благодарю.

— Не обольщайся, — Ирис посмотрела на него с хитрым прищуром. — Как ты, наверное, уже понял, у нас тут записался новый член команды. Его зовут Куинн.

— Я знаю этого шута, — фыркнул Лиран и скрестил руки на груди. — Всегда, когда я появлялся в Аргенштайне, этот балагур тут как тут со своей мандолиной и вечной ухмылкой. Вам будет проще отправить его обратно. Я гарантирую, он доставит одни хлопоты.

Ирис невольно улыбнулась.

— Это уже решать не тебе.

Лиран прищурился.

— Тогда к чему ты мне всё это говоришь?

— К тому, — спокойно ответила она, — что Куинн пробрался на корабль без какой-либо нормальной одежды. А при встрече с королевой Венетией он должен выглядеть подобающе. У вас с ним почти одинаковое телосложение. Дай ему что-нибудь из своей одежды.

— Что? — Лиран возмущённо поднял брови. — Да чтоб я отдал свои последние закрома арденийского шёлка этому...

— Лиран, — серьёзно перебила его Ирис. — Если в Эстерии миссия пойдёт так, как надо, и ты будешь полезен, — продолжила она ровно, — помимо свободы, я лично выплачу тебе столько золота, сколько хватит не только на новую одежду, но и на выкуп твоего старого особняка. Того самого, который у тебя конфисковали.

Лиран несколько секунд молчал, затем скривился, будто проглотил что-то горькое.

— Так уж и быть, подыщу ему что-нибудь сносное, — буркнул он.

— Спасибо, — улыбнулась Ирис.

Лиран немного оживился. Он поднялся с бочки и подошёл ближе, остановившись рядом с ней у борта.

— Я давно хотел спросить, — начал он, заправив свои светлые волосы за ухо. — Если моя внешность меняется из-за зелья... что будет, если я получу ранение? Или, скажем, обгорю на солнце. Это отразится на моём настоящем облике... или останется только на временном лице?

— Я никогда лично не сталкивалась с обратным зельем. Но, исходя из того, что о нём написано в книгах, всё зависит от степени воздействия. Мелкие раны, царапины, ушибы или даже солнечный ожог не перейдут на твою настоящую внешность. При возвращении к исходному облику кожа восстановится и примет прежнюю форму, будто этого и не было, — Ирис сделала короткую паузу. — А вот серьёзные травмы, глубокие ранения, переломы, повреждения внутренних тканей никуда не исчезнут. Зелье меняет оболочку, но не отменяет реальность. Всё, что по-настоящему ломает тело, останется с тобой независимо от лица, которое ты носишь.

— Что ж... тогда это всё меняет, — сказал он и улыбнулся, впервые за долгое время не вымученно, а по-настоящему.

Глава 7

Эстерия

Путь до Эстерии занял неделю. К утру седьмого дня корабль вошёл в спокойные воды залива, и впереди, сквозь лёгкую дымку, начал проступать город Далер. Ирис стояла на палубе, опираясь ладонями на тёплые от солнца перила, и молча наблюдала, как столица медленно приближается, вырастая из линии горизонта. Первым показался дворец. Золотые башни Аквилона возвышались над остальной застройкой, улавливая и отражая яркий свет, а светлый камень стен казался ослепительно белым на жаре.

Чем ближе подходил корабль, тем яснее проступала сама столица. Город раскинулся террасами, спускаясь от дворца к морю. Каменные здания стояли плотно друг к другу, а между ними тянулись арочные переходы, крытые галереи и тенистые дворы. Фасады были украшены выступающей резьбой и геометрическими узорами. Над крышами дрожал лёгкий маревый туман. Жара ощущалась даже на палубе. Воздух был густым, наполненным солью и потом, исходившим от матросов.

Порт простирался широкой дугой. Причалы были выложены светлым камнем, склады и башни маяка отливали медью, а десятки кораблей покачивались на воде, ожидая своей очереди войти в гавань. Крики чаек и гул голосов доносились уже отсюда, смешиваясь с плеском волн.

И всё же, Эстерию Ирис помнила совсем иной. В её время это было небольшое прибрежное королевство. Дворца тогда и в помине не было, вместо него стояла укреплённая резиденция с одной высокой башней, служившей одновременно и маяком. Улицы были узкими, пыльными, без той выверенной симметрии и роскоши, что открывались перед ней теперь.

Несмотря на величие и красоту открывшегося вида, Ирис не испытывала восторга. После недели мучительной морской болезни тело всё ещё отказывалось слушаться. Она прикрыла глаза и глубоко вдохнула тёплый воздух. Какой бы впечатляющей ни была столица Эстерии, сейчас она мечтала лишь об одном: наконец сойти на берег, почувствовать под ногами неподвижную, раскалённую солнцем землю и оставить море позади.

К её счастью, ждать долго не пришлось. Корабль мягко ткнулся в причал, канаты натянулись, и спустя несколько минут трап опустили на камень. Ирис сошла на берег первой. Ноги на мгновение дрогнули: после долгой качки земля казалась непривычно твёрдой. У причала их уже ждал королевский кортеж. Несколько карет с гербами Эстерии стояли в ряд, окружённые стражей. Лошади нетерпеливо переступали копытами, поблёскивая упряжью на солнце. Всё было подготовлено заранее, как и полагалось приёму гостей такого уровня.

Ирис без лишних слов заняла одну из карет вместе с Сандером. С собой они взяли Лирана, оставлять его без присмотра было слишком рискованно, и Куинна, по той же причине. Карета тронулась, медленно выбираясь с портовой площади и вливаясь в городские улицы.

— Ну и вонь же здесь, — скривился Лиран, глядя на рыбный рынок, раскинувшийся неподалёку от порта, где в тени навесов лежали груды улова, а торговцы перекрикивали друг друга.

— Брось ты, посмотри, какая красота! — восхищённо заявил Куинн, почти наполовину высунувшись из окна и вертя головой во все стороны.

— Вот и шёл бы себе пешком, — прыснул Лиран в ответ, откидываясь на спинку сиденья.

Карета медленно продвигалась по улицам столицы, и вскоре шум порта остался позади. Для встречей с королевой Венетией требовался определённый дресс-код. Жара Эстерии не прощала тяжёлых тканей и тёмных цветов, поэтому выбор пал на лёгкие наряды. Ирис была одета в платье светло-розового оттенка с мягким оранжевым отливом, который менялся в зависимости от света. Тонкая ткань свободно струилась по фигуре, не сковывая движений, а

пояс под грудью подчёркивал силуэт, не утяжеляя образ. Плечи оставались открытыми, защищённые лишь лёгкой накидкой, а волосы она собрала высоко, закрепив их изящной заколкой. Сандер выбрал красный верх из лёгкой, дышащей ткани, с аккуратным воротом, и серые штаны. Куинн шеголял в изумрудно-зелёном верхе, который удивительно шёл ему, подчёркивая живость взгляда, и чёрных брюках добротного кроя. Одежда сидела на нём идеально, это подметил и сам Лиран, когда, скрипя сердцем, отдавал свои пожитки. Он же был облачён в белую одежду из хлопковой ткани, закрывающей его от горла до кистей рук. Из-за принятой внешности наряд сидел на нём непривычно тесно — ткань на животе натягивалась почти впристык.

Улицы Эстерии жили шумной, насыщенной жизнью. По обе стороны тянулись лавки с распахнутыми навесами, под которыми торговцы выкладывали товар прямо на деревянные прилавки. Воздух был наполнен запахами специй, нагретого масла и сладкого сиропа. В глиняных чашах громоздились золотистые лепёшки, обжаренные до хруста, рядом дымился рис с шафраном и сушёными фруктами, на вертелах медленно вращалось мясо, покрытое румяной коркой и щедро посыпанное пряностями. В плоских корзинах лежали: инжир, финики и орехи, блестящие от мёда.

У Ирис внезапно громко заурчало в животе. Голову повело, и от вспыхнувшего голода на мгновение потемнело в глазах. Она не могла оторвать взгляд от мелькающих за окном прилавков, чувствуя, как рот наполняется слюной.

— Тебе снова плохо? — озадаченно спросил Сандер, заметив, как она побледнела.

— Я очень хочу есть, — призналась Ирис, не сводя глаз с еды за окном.

— Во дворце нас ждёт банкет, — ответил он.

— Он будет ещё не скоро, — простонала она. — Давай остановимся, я быстро себе что-нибудь возьму.

Сандер тяжело вздохнул, но спорить не стал. Он постучал по двери кареты и, наклонившись к проёму, громко окликнул кучера, приказывая остановиться. У прилавка Ирис едва успела сделать шаг, как торговец, маленький и коренастый мужчина в пёстрой рубаше, буквально засиял. Глаза его загорелись при виде знатных господ. Он тут же расправил плечи и заговорил быстрее, расхваливая товар с таким пылом, словно каждая лепёшка была вершиной кулинарного искусства.

— Свежайшее, миледи, только с очага! Пряности из южных садов, — торговец ловко перекладывал еду, не дожидаясь ответа.

Ирис и Сандер переглянулись и перешли на эстерийский. Речь у них была правильной, но северный акцент всё равно выдавал чужаков. Девушка выбрала пару ещё тёплых лепёшек, свёрток с пряным рисом и кусочками обжаренного мяса, небольшую коробочку с финиками и орехами в меду. Затем спокойно обвела рукой прилавков.

— Посчитайте нам это всё, — сказала она.

Торговец окинул выбранное быстрым взглядом и, сложив руки на животе, с ласковой улыбкой произнёс:

— Сто медных соларов, миледи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.